

ЗЕМСКАЯ ГАЗЕТА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

НИЖЕГОРОДСКАГО ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА.

ПОДПИСКА и объявленія принимаются въ Губернской Земской Управѣ.

Адресъ для писемъ: Нижній Новгородъ. Предсѣдатель Губернской Земской Управы, для Земской Газеты.

Подписная цѣна на годъ—1 рубль для Нижегородской губерніи, 2 руб.—для иногубернскихъ подписчиковъ.

Цѣна номера 5 коп.,
съ пересылкою 7 коп.

№ 45.

Этотъ номеръ содержитъ
2 листа.

Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть подписаны авторомъ, съ обозначеніемъ адреса. Въ случаѣ надобности, статьи сокращаются и исправляются. Мелкія замѣтки и сообщенія не сохраняются. Статьи безъ обозначенія условій считаются безплатными.

Плата за объявленія: за строку пята въ одинъ столбецъ впереді текста—20 к., позади текста 10 к.

СОДЕРЖАНІЕ. Памяти Л. Н. Толстого.—Л. Н. Толстой (кратк. біографія).—Послѣдніе часы жизни Л. Н. Толстого.—Похороны Л. Н. Толстого.—Гдѣ похороненъ Толстой?—Высочайшая отмѣтка. Государственный Совѣтъ. Государствен. Дума.—Постановленіе Св. Синода о погребеніи Л. Н. Толстого.—Л. Н. Толстой въ народѣ.—Изъ сочиненій Л. Н. Толстого.—„Три смерти“, „Хозяинъ и работникъ“, „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“, „Вѣрьте себѣ“, „Для чего люди одурманиваются“. Текущая свѣдѣнія.

ПАМЯТИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО.

Нынче навѣки ушелъ онъ отъ жизни,
Нынче сказалъ онъ послѣднее слово!
Слушайте! Въ нашей великой отчизнѣ
Не было имени громче Толстого!

Полонъ весь міръ безграничнаго горя!
Слушайте! Горе и слезы безплодны!
Въ тусклой пучинѣ житейскаго моря
Намъ онъ сіялъ, какъ маякъ путеводный!

Пусть закатилась звѣзда золотая!
Пусть онъ смежилъ нескорныя очи,—
Имя его, лучезарно сіяя,
Будетъ свѣтить намъ въ суровыя ночи!

Слушайте! Слезъ и печали не надо!
Будемъ молиться надъ гробомъ Толстого!
Пусть упадетъ роковая преграда,
Пусть прозвучитъ примиренія слово!

Будемъ молиться надъ гробомъ Толстого,
Слившись сердцами у свѣжей могилы!
Слушайте всѣ! Для разсудка земного—
Скрыты вѣлѣнья Божественной силы!

(Г. М.). В. Голиковъ.

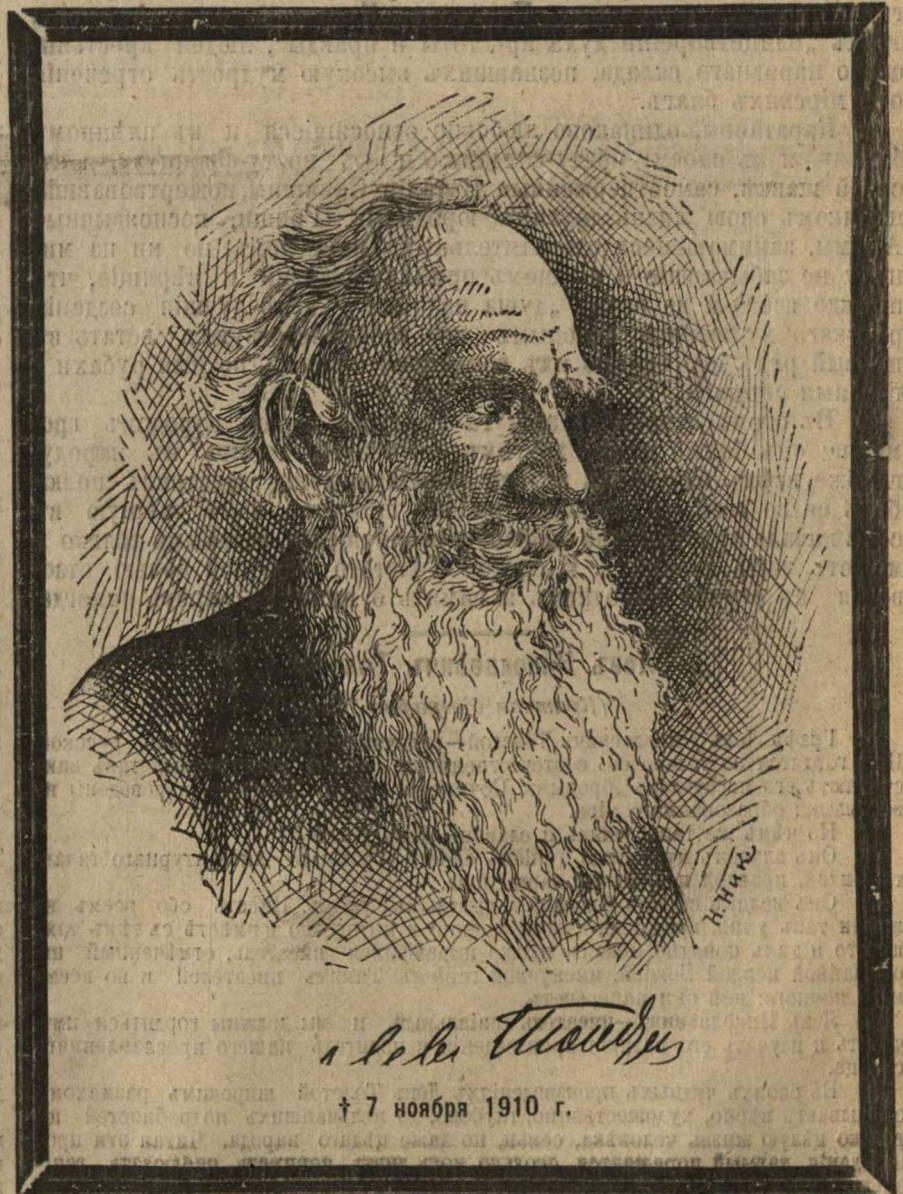
...Какой свѣтильникъ разума угасъ.
Какое сердце биться перестало!...

Некрасовъ.

Умеръ Левъ Николаевичъ Толстой... Роковая вѣсть о его кончинѣ повергла въ глубокую скорбь всю Россію; каждый почувствовалъ и созналъ, что въ лицѣ этого маститаго старца наша родина лишилась человѣка, который составлялъ ея украшеніе, ея гордость и славу. Сознаніе великой потери выразилось въ цѣломъ потокѣ телеграммъ со всѣхъ концовъ міра, изъ всѣхъ уголковъ Россіи, въ многочисленныхъ собраніяхъ общественныхъ учреждений и частныхъ обществъ, въ обсужденіи способовъ достойнаго увѣковѣченія памяти великаго человѣка...

Имя Толстого, какъ величайшаго художника—писателя и глубокаго мыслителя пользуется всемірной извѣстностью; его произведенія переведены на всѣ европейскіе языки, извѣстны въ далекой Америкѣ, Китаѣ, Японіи наравнѣ съ другими мировыми свѣточами культурной мысли.

У насъ въ Россіи его знаетъ каждый образованный, каждый грамотный человѣкъ со школьной скамьи: его произведенія, въ

качествѣ лучшихъ образцовъ художественнаго творчества, вы встрѣтите въ любой учебной хрестоматіи наряду съ именами другихъ столь же близкихъ и родныхъ писателей, какъ Пушкинъ,

Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Некрасовъ, Достоевскій, найдете въ полномъ объемѣ или отдѣльныхъ изданіяхъ—въ любой общественной и частной библиотекѣ.

Значеніе его для народа—громадно и прежде всего потому, что въ немъ мы видимъ рѣдкое, исключительное по силѣ сочетаніе высокихъ качествъ писателя—художника и глубокаго философа—мыслителя. Личная жизнь и творчество въ немъ не отдѣлимы; каждое его произведеніе—есть живое отраженіе его богатаго внутренняго міра, высокихъ порывовъ его мятущейся души осмыслить жизнь, уяснить себѣ и другимъ ея цѣль и назначеніе, постичь „правду жизни“ и поставить ее въ основу нравственнаго совершенствованія человѣка.

Еще въ началѣ своей литературной дѣятельности въ разсказѣ „Севастополь въ концѣ мая“ Толстой писалъ: „Герой моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами моей души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—*правда*“.

Проникнутый нравственнымъ стремленіемъ, онъ мучительно искалъ этой „правды жизни“; онъ искалъ ее „въ людяхъ своего круга“—довольныхъ, счастливыхъ, образованныхъ, въ наукѣ, современной культурѣ,—и не нашелъ, искалъ въ себѣ самомъ и открыто осудилъ себя передъ людьми и только въ народѣ нашелъ онъ хранителя этой правды и „со страхомъ и скорбью преклонился предъ ней“.

„Въ дыму Севастополя и на Кавказѣ, а потомъ въ деревнѣ, онъ имѣлъ возможность увидѣть простую красоту народной русской души и убѣдиться, что представителя начала добра, правды, совѣсти и жизни „по божьему“, философіи высшей любви къ человѣку и жалостливости—нужно искать именно здѣсь, что все обновленіе должно сводиться къ возвращенію къ природѣ.“*)

Ради этого онъ оставляетъ родственные ему слои общества, „опрощается“, уходитъ въ народъ и дѣлается глашатаемъ любви и состраданія къ нему.

И нѣтъ ни одного типа въ писаніяхъ Толстого, который бы представлялъ въ такомъ ореолѣ духовной красоты и простоты, которому бы самъ авторъ такъ полно дарилъ свои симпатіи, какъ типы русскихъ простецовъ, Платоновъ Каратаевыхъ и Акимовъ, этихъ „олицетвореній духа простоты и правды“, людей крестьянскаго народнаго склада, познавшихъ высокую мудрость отреченія отъ мірскихъ благъ.

Каратаевы, одинаково любовно относящіеся и къ плѣнному барину, и къ своему брату-солдату, и къ врагу-французу, и къ своей шавкѣ, самоотверженные Наталіи Савишны, пожертвовавшія цѣликомъ свою жизнь другимъ, юродивыя Гриши, косноязычные Акимы, занимающіеся отвратительнымъ ремесломъ, но ни на минуту не забывавшіе о высшемъ принципѣ жизни и вѣрящіе, что прежде всего и во всемъ „душа надобна“,—вотъ лучшія созданія русскаго художника, которымъ не воспрепятствуютъ встать въ первый рядъ его типовъ ихъ солдатскіе обноски, потныя рубахи и грязныя сермяги.

Въ этомъ отношеніи заслуга Толстого передъ народомъ громадна; онъ ближе всѣхъ другихъ писателей стоитъ къ народу, глубже всѣхъ взглянулъ въ его скорбную душу, заставилъ полюбить ее во всей ея непосредственной простотѣ, какъ таящую въ себѣ начала христіанской любви и всепрощенія, которыми только и можетъ жить человѣкъ. И смерть Толстого скорбной болью отзовется въ сердцѣ народномъ и память о немъ не умретъ никогда.

Левъ Николаевичъ Толстой.

(Краткая біографія **).

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой—величайшій писатель земли русской. Имъ гордятся не только его соотечественники, но и иностранцы, такъ какъ считаютъ его писателемъ мировымъ. Сочиненія Льва Толстого переведены на всѣ языки образованнаго міра.

Но чѣмъ же такъ великъ и славенъ Левъ Толстой?

Онъ славенъ мудростью, гениемъ своего огромнаго литературнаго таланта, силой, правдой и красотой дара слова.

Онъ великъ своимъ большимъ, свѣтлымъ умомъ. Писать обо всемъ въ жизни такъ умно, правдиво, художественно и интересно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ просто и такъ понятно можетъ только выдающійся писатель, отмѣченный необычайной искрой Божіей, именуемой гениемъ. Такихъ писателей и во всемъ мірѣ немного: всѣ они наперечетъ.

Левъ Николаевичъ—писатель гениальный, и мы должны гордиться имъ, читать и изучать его великія произведенія и почитать нашего прославленнаго старца.

Въ своихъ чудныхъ произведеніяхъ Левъ Толстой широкимъ размахомъ описываетъ вѣрно, художественно, глубоко, до мельчайшихъ подробностей не только цѣлую жизнь человѣка, семьи, но даже цѣлаго народа. Читая эти произведенія, каждый поражается, сколько могъ знать, понимать, наблюдать гениальный умъ человѣчскій.

*) Слова А. Измайлова.

**) См. „Школьный праздникъ“ К. Лукашевичъ, „Ниж. Зем. Газ.“ 1908 г. № 34 и др.

Левъ Николаевичъ не только великій писатель-художникъ и философъ, но онъ также и замѣчательный педагогъ. Для дѣтей, для школы онъ написалъ множество прекрасныхъ разсказовъ, басенъ, сказокъ, притчъ. Всѣ они проникнуты любовью ко всему живому, жалостью и состраданіемъ къ животнымъ, проповѣдью, какъ жить по совѣсти, по Божьему завету.

Равныхъ по значенію,—такихъ прекрасныхъ дѣтскихъ разсказовъ, понятныхъ каждому маленькому ребенку, написанныхъ захватывающе, интересно, нѣтъ ни въ одной иностранной литературѣ. И можно сказать съ увѣренностью, что въ каждой русской книгѣ для чтенія, предназначенной для школы, есть разсказы Льва Толстого, и ихъ знаетъ каждый читающій ребенокъ.

Въ своемъ имѣніи Ясная Поляна Левъ Николаевичъ основалъ большую школу, самъ съ любовью училъ въ ней деревенскихъ ребятъ и считалъ это ученіе своимъ самымъ полезнымъ и любимымъ дѣломъ.

Левъ Николаевичъ Толстой родился 28 августа 1828 года, въ имѣніи Ясная Поляна, Тульской губерніи.

Отецъ писателя, графъ Николай Ильичъ Толстой, былъ военный, подполковникъ Павлоградскаго полка, мать его, Марія Ивановна, была изъ княжеской семьи Волконскихъ. Жили они богато, счастливо въ своемъ родовомъ помѣстьѣ Ясная Поляна, которое родители дали матери въ приданое и которое стало теперь такимъ знаменитымъ.

Графиня Толстая, мать Льва Николаевича, умерла, когда ея сыну было всего три года; шесть лѣтъ спустя умеръ и его отецъ, и будущій великій писатель остался девяти лѣтъ отроду круглымъ сиротой.

Послѣ смерти матери воспитаніемъ дѣтей—четырехъ мальчиковъ и одной дѣвочки—занимались дальняя родственница Толстыхъ—Татьяна Ергольская, опекунша А. М. Остенъ-Сакени и П. И. Юшкова.

Во многихъ произведеніяхъ Льва Толстого, особенно же въ „Дѣтствѣ“ и „Отрочествѣ“, подробно и откровенно описана жизнь самого автора и близкихъ ему людей со всѣми ихъ недостатками и достоинствами.

Свѣтлый и прекрасный образъ матери воздѣлъ въ воспоминаніяхъ великаго писателя, очерченъ такими нѣжными и трогательными штрихами, что она кажется какимъ-то неземнымъ существомъ. Молодая женщина немного суевѣрна, пристрастна къ странностямъ, любитъ слушать сказки и сама мастерски рассказываетъ ихъ подругамъ и даже своимъ крѣпостнымъ дѣвушкамъ... Но, кромѣ того, она кротка, способна на все доброе и возвышенное, она носитъ въ своей душѣ глубокую вѣру въ Бога, истинно христіанское смиреніе, всепрощеніе и любовь къ ближнему. Въ то далекое время жестокаго крѣпостнаго права у доброй помѣщицы графини Толстой никогда не вырвалось грубыхъ словъ и обидъ въ отношеніи своихъ безотвѣтныхъ рабовъ.

Мать для Толстого—дорогая святая, какъ и должна быть мать для каждого человѣка.

Вотъ что рассказываетъ Левъ Николаевичъ самъ о своей матери: „Матери своей я не помню. Въ представленіи моемъ о ней есть только ея духовный обликъ; все, что я о ней зналъ,—все прекрасно и, я думаю, не оттого только, что всѣ говорившіе мнѣ про мать старались говорить о ней только хорошее, но потому, что въ ней дѣйствительно было много хорошаго. Она представлялась мнѣ такимъ высокимъ, чистымъ духовнымъ существомъ, что часто въ средній періодъ своей жизни, во время борьбы съ искушеніями, я молился ея душѣ, просилъ ее помочь мнѣ, и эта молитва всегда мнѣ помогала“.

Очень можетъ быть, что первые кроткіе, любовные уроки матери глубоко запали въ чуткое сердце воспримчиваго дитяти.

Ергольская—старая дѣвушка, добрая, правдивая и нравственная, посвятившая нѣжнымъ заботамъ о дѣтяхъ всю свою жизнь и прожила до самой смерти съ Львомъ Николаевичемъ. Изъ своей семьи Левъ Николаевичъ особенно нѣжно былъ привязанъ къ старшему брату и всегда съ любовью вспоминалъ его. Онъ имѣлъ на писателя огромное вліяніе. Вотъ что Толстой самъ рассказываетъ про него:

„Это былъ удивительный мальчикъ, а потомъ удивительный человѣкъ. У него былъ добродушный, веселый юморъ, правдивое, высокое мировоззрѣніе и совершенно не было тщесловія“.

„Въ житіяхъ Дмитрія Ростовскаго есть одно мѣсто, которое меня всегда особенно трогало: это—коротенькое житіе одного монаха, имѣвшаго много недостатковъ за вѣдомомъ всей братіи. Но въ сновидѣніи одному старцу монахъ этотъ явился среди святыхъ въ самомъ лучшемъ мѣстѣ рая. Удивленный старецъ спросилъ: „Чѣмъ этотъ невоздержный во многомъ монахъ заслужилъ такую награду?“ Ему отвѣтили: „Онъ никогда никого не осудилъ“. Если будутъ такіа награды, то моя мать и мой братъ непременно получатъ ихъ“.

Левъ Толстой начинаетъ помнить себя очень рано: смутно помнить онъ даже какъ его пеленали и купали. Затѣмъ дѣтскіе годы выступаютъ уже ярко въ памяти великаго писателя; въ домѣ родителей онъ видитъ мягкое, доброе ко всѣмъ отношеніе, уваженіе къ старшимъ, любовь и состраданіе къ людямъ, и все это оставляетъ глубокий слѣдъ въ душѣ ребенка.

„Жизнь моего отца проходила въ занятіяхъ хозяйствомъ,—вспоминаетъ свое дѣтство нашъ писатель.—Въ хозяйствѣ онъ былъ отличнымъ знатокъ; но въ которомъ для того времени еще имѣлъ большое качество: онъ не былъ жестокъ, но скорѣе даже слабъ. За его время я никогда не слыхалъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Уже послѣ смерти отца узналъ я, что такіа наказанія совершаются“.

Вотъ какой случай, поразившій его, вспоминаетъ Левъ Николаевичъ:

„Мы, дѣти, съ учителемъ возвращались съ прогулки и подлѣ гумна встрѣтили нашего толстаго управляющаго Андрея Ильина и шедшаго за нимъ кучера Кузьму, человѣка женатаго, немолодого, съ поразившимъ насъ печальнымъ видомъ“.

„Кто-то изъ насъ спросилъ управляющаго, куда онъ идетъ, и тотъ спокойно отвѣтилъ, что идетъ на гумно, гдѣ надо наказывать Кузьму. Не могу описать ужаснаго чувства, которое произвели на меня эти слова и видъ нашего добраго, улыбаго Кузьмы. Вечеромъ я разсказалъ это тетущкѣ Татьянѣ Александровнѣ, ненавидѣвшей тѣлесныя наказанія и никогда не допускаявшей ихъ не только для насъ, но и для крѣпостныхъ. Она очень возмущилась разсказомъ и съ упрекомъ проговорила: „Какъ же вы не остановили?“ Ея слова еще болѣе огорчили меня... Я никакъ не думалъ, чтобы мы могли вѣшиваться въ такое дѣло, а между тѣмъ оказывалось, что могли. Но уже было поздно, и ужасное дѣло было совершено“.

Дѣтскіе годы Льва Толстого, его братьевъ и сестры проходили спокойно и счастливо сначала подъ крыломъ нѣжныхъ родителей, а затѣмъ подъ попеченіемъ любящей тетки. Дѣтей воспитывали строго, заботливо, и Левъ Николаевичъ съ любовью вспоминаетъ свои дѣтскіе годы, забавы, игры, ученіе, своихъ нянекъ, учителей и всѣхъ, кто окружалъ его дѣтство.

Какъ своихъ родителей, такъ всю свою семью, своихъ братьевъ и сестру, а затѣмъ ужъ и всѣхъ людей, Левъ Николаевичъ беззаветно и нѣжно любилъ, и это чувство согрѣвало всю его жизнь.

По описаниям родных и близких, маленький Левушка был ребенок живой, шаловливый, желавший все узнать, все высмотреть, отрокомъ онъ отличался странностями и неожиданностями своих поступков, но характеръ у него былъ правдивый, веселый и сердце доброе отзывчивое.

Вотъ что рассказывалъ Левъ Николаевичъ самъ въ своемъ семейномъ кругу: „Лѣтъ 7 или 8 я возымѣлъ страстное желаніе полетать по воздуху. Я воображалъ, что это вполне возможно, если сѣсть на корточки и обнять руками свои колѣна. При этомъ, чѣмъ крѣпче и сильнѣе сжимать колѣна, тѣмъ выше можно будетъ летѣть. Мысль эта не давала мнѣ покоя и, наконецъ, я рѣшилъ привести ее въ исполненіе: я заперся въ классную комнату, взлѣзъ на окно и въ точности исполнилъ все задуманное. Я упалъ съ окна на землю съ высоты двухъ съ половиною сажень, сильно расшибся, отбилъ себѣ ноги и перепугалъ домашнихъ“.

Въ другой разъ случай былъ на станціи: семья Толстыхъ куда-то ѣхала; когда всѣ уѣхали въ экипажи, стали звать Левушку. Вдругъ голова мальчика высунулась изъ окна станціи. „Тетушка, я сейчасъ иду“, крикнулъ онъ. Каково же было всеобщее изумленіе, когда мальчикъ прибѣжалъ: и голова его оказалась наполовину выстриженной. Для чего онъ это сдѣлалъ во время короткой остановки, такъ онъ и не могъ объяснить.

Но вотъ для будущаго великаго писателя наступало трудное время серьезной дѣтской жизни: ученія и труда, когда Льву Николаевичу исполнилось 7 лѣтъ. Отъ женской ласки и заботъ тетушки рѣшено было перевести его въ верхній этажъ къ старшимъ братьямъ и гувернеру Федору Ивановичу^{*)}. Тетушка, лаская и цѣлуя своего любимца и отправляя его наверхъ, очень горевала, но это было нужно для пользы мальчика.

„При переводѣ меня вверхъ“,—говоритъ Левъ Николаевичъ,—къ братьямъ и Федору Ивановичу, я испыталъ въ первый разъ и потому сильнѣе, чѣмъ когда-либо послѣ, то чувство, которое называютъ чувствомъ долга, чувствомъ креста, который призванъ нести каждый человѣкъ“.

Учитель Федоръ Ивановичъ Рессель былъ человѣкъ честный, прямой, любившій дѣтей, онъ имѣлъ очень хорошее вліяніе на своихъ воспитанниковъ; онъ передалъ имъ всѣ свои знанія и прожилъ въ Ясной Полянѣ до самой своей смерти. Когда пришла пора учиться, то три мальчика съ гувернеромъ и опекуномъ дѣтей, родная тетка графиня Остенъ-Сакенъ, отправились въ Москву; въ это время на семью Толстыхъ обрушились ударъ за ударомъ: умеръ отецъ, бабушка, вскорѣ умерла и тетка-опекушка.

Опека надъ дѣтьми Толстыми съ 1840 года перешла къ другой теткѣ П. И. Юшковой, жившей съ мужемъ въ Казани, туда и перѣехала вся семья Толстыхъ. Льву Николаевичу въ это время было 13 лѣтъ. Господа двинулись изъ Гулы въ Казань съ прислужкой въ многочисленныхъ каретахъ и другихъ экипажахъ. Дорогой шла цѣлая жизнь: останавливались въ полѣ, въ лѣсу, собирали грибы, купались, гуляли, въ это время повара готовили обѣды, завтраки.

Съ перѣездомъ въ Казань кончилось дѣтство для Льва Николаевича и началось отрочество. Тяжело ему было надолго разстаться съ Ясной Поляной и тетушкой Татьяной Александровной.

„Вернутся-ли когда-нибудь“,—спрашивалъ себя авторъ „Дѣтства“,—та свѣтлость, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ? Какое время можетъ быть лучше того? Гдѣ тѣ горячія молитвы, гдѣ лучший даръ—тѣ чистыя слезы умиленія? Прилеталъ ангелъ-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы и навѣвалъ сладкія грезы не испорченному дѣтскому воображенію“.

Но и эти воспоминанія дѣтства, которые на всю жизнь сохранилъ Левъ Толстой,—такія чистыя, свѣтлыя, святыя, уже много значать. Счастливы тотъ человѣкъ, который ихъ имѣетъ.

Въ Казани къ Льву Николаевичу пригласили гувернера-француза Г. Тома. Этого-то гувернера и пригласили его въ университетъ, куда ранѣе поступили его три брата.

Поступивъ въ университетъ, Левъ Николаевичъ повелъ жизнь шумную и веселую: балы, выѣзды, кутежи, карты, катанья смѣнялись одно другимъ.

Однако среди этой пустой жизни въ глубинѣ могучей души юноши происходила постоянная борьба съ самимъ собой: жажда знанія, желаніе стать хорошимъ, сложные вопросы жизни волновали Льва Николаевича въ безсонныя ночи до слезъ, до нервного раздраженія.

Братья Толстого окончили университетъ, а онъ вышелъ оттуда въ 1847 году неудачникомъ. На его университетскомъ свидѣтельствѣ стояло зачастую весьма лѣнивыя“.

Вышедши изъ университета, Толстой уѣзжаетъ въ свою родную Ясную Поляну. Товарищи собрались его провожать. Могли-ли они думать тогда, подолговать, что имя этого неуклюжаго, некрасиваго молодого графа, оставившаго себѣ въ университетѣ лишь память гордаго „весьма лѣниваго“ неудачника-студента, черезъ четверть вѣка загремитъ и станетъ извѣстно всему образованному міру.

„Безъ ужаса, омерзѣнія и сердечной боли не могу вспомнить объ этихъ годахъ“,—говоритъ Левъ Николаевичъ въ своей „Исповѣди“, вспоминая жизнь утки въ Казани.—Я всей душой хотѣлъ быть хорошимъ. Но я былъ молодъ, у меня были страсти, а я былъ одинъ, совершенно одинъ... Когда я пытался высказать, что хочу быть нравственно хорошимъ, я встрѣчалъ насмѣшки и презрѣніе, а когда я предавался дурнымъ страстямъ, меня хвалили и поощряли“.

Далѣе въ своемъ „Отрочествѣ“ полный раскаянія Левъ Николаевичъ пишетъ:

„Главное чувство тогда было раскаяніе, отвращеніе къ самому себѣ. Я наслаждался въ отвращеніи къ прошедшему и старался видѣть его мрачнѣе, чѣмъ оно было. Этотъ-то голосъ раскаянія и страстнаго желанія совершенства былъ главнымъ новымъ душевнымъ ощущеніемъ въ ту пору моего развитія, и онъ-то положилъ новыя начала моему взгляду на себя, на людей и на міръ вообще. Благой отраднѣйшій голосъ, сколько разъ смѣло возстававшій противъ несправедливости, злобно обличавшій прошедшее, указывавшій, заставляя любить ее, ясную точку настоящаго и обличавшій добро и счастье въ будущемъ... Благой отраднѣйшій голосъ, неужели ты перестанешь когда-нибудь звучать?“

Нѣтъ, тотъ, въ чей душѣ звучитъ этотъ голосъ правды, добра, совершенства, всегда найдетъ точку опоры и выйдетъ побѣдителемъ изъ всѣхъ тяжелыхъ испытаній.

Такъ было и со Львомъ Толстымъ.

Бросивъ университетъ въ 1847 г., онъ на время увлекается сельскимъ хозяйствомъ, мечтая не только привести въ порядокъ разстроившееся хозяйство, но и отдалиться улучшенію положенія крѣпостныхъ крестьянъ. „Вы скажете, что я молодъ: можетъ быть точно, я еще ребенокъ, но это не мѣшаетъ мнѣ чувствъ“.

*) Учитель Федоръ Ивановичъ превосходно описанъ въ повѣсти Льва Николаевича „Дѣтство“ подъ именемъ Карла Ивановича Мауера.

новать мое призваніе желать дѣлать добро и любить его... Не моя ли священная обязанность заботиться о счастіи этихъ семи-сотъ человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу? Не грѣхъ ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старостъ и управляющихъ изъ-за плановъ наслажденія или честолюбія? И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность?“ Такія мысли занимали Л. Н., когда онъ заключилъ было себя въ рамки сельскаго хозяина, въ то же время весь охваченный мыслями о самовоспитаніи въ себѣ самомъ началъ добра и совершенствованія. Но очень скоро молодой, народолюбивый помѣщикъ убѣдился, что, мечтая по своимъ планамъ улучшить бытъ крѣпостныхъ, онъ находится въ ложномъ положеніи благотворителя подневольныхъ людей. Попытки Л. Н. кончились неудачей: крѣпостные не шли ни на какія предложенія, совѣты и помощь молодого помѣщика, лишь бы онъ оставилъ ихъ жить по своему разумію. Л. Н. не могъ не признать за ними право всякаго человѣка быть самостоятельнымъ въ устройствѣ своей жизни и бросилъ деревню.

Серьезный случай къ перемѣнѣ жизни нашего будущаго великаго писателя, наконецъ, представился. Въ 1851 году пріѣхалъ старшій любимый братъ Толстого—Николай. Онъ служилъ офицеромъ въ кавказской арміи, пріѣхалъ въ отпускъ и скоро долженъ былъ возвратиться назадъ. Левъ Николаевичъ ухватился за этотъ случай и отправился вмѣстѣ съ братомъ на Кавказъ.

Кого изъ нашихъ писателей не плѣнялъ, не вдохновлялъ нашъ величественный прекрасный Кавказъ? Пушкинъ, Лермонтовъ писали ему свои восторженные хвалы. На Кавказѣ же началъ свои первыя литературныя работы и Левъ Толстой. Чудная красота природы Кавказа, горы, Терекъ, обстановка жизни казачьяго уаля, простые люди—все необыкновенно повліяло на чуткаго юношу и въ цѣломъ послужило колыбелью первымъ трудамъ и указало путь всемірному гению, вышедшему на борьбу за правду и исканіе истины и смысла жизни.

Изъ одного аула Левъ Толстой ѣздивъ въ набѣгъ въ качествѣ волонтера. Въ немъ онъ пережилъ дивныя минуты молодого вдохновеннаго восторга и поэтично описалъ ихъ въ своемъ дневникѣ.

11 іюня 1851 года. Старый Юртъ.

„Вчера я почти всю ночь не спалъ; пописавши дневникъ, я сталъ молиться Богу. Сладость чувства, которую я испыталъ на молитвѣ, передать невозможно. Я прочелъ молитвы, которыя обыкновенно творю: Отче, Богородицу, Троицу, Милосердія дери, Воззваніе къ Ангелу Хранителю, и потомъ остался еще на молитвѣ. Ежели опредѣлять молитву просьбою или благодарностью, то я не молился. Я желалъ чего-то высшаго, хорошаго. Мнѣ хотѣлось слиться съ существомъ всеобъемлющимъ. Я просилъ Его простить мои преступленія. Я благодарилъ Его, но не словами, не мыслями. Въ одномъ чувствѣ я соединялъ все—и мольбу и благодарность. Нѣтъ, вотъ оно, это чувство, которое я испыталъ вчера—это любовь къ Богу. Благодарю Его за минуту блаженства!“

Такія минуты религиознаго восторга, у двадцатидвухлѣтняго юноши, смѣнялись минутами полной апатіи къ жизни и тоской. Больше всего онъ тосковалъ о милой родинѣ, о дорогомъ гнѣздѣ...

Вспоминая въ одиночія минуты на Кавказѣ свое милое прошлое, Левъ Николаевичъ почувствовалъ потребность подѣлиться своими мыслями, думами и вылилъ въ чудныхъ поэтическихъ строкахъ все на бумагѣ. Первымъ было написано „Дѣтство“, законченное 9 іюля 1852 года.

Свое первое произведеніе Левъ Толстой отправилъ въ Петербургъ въ журналъ „Современникъ“, и оно сразу обратило на себя особое вниманіе русскихъ читателей. Поэтъ Некрасовъ, редакторъ журнала, имѣлъ счастье первый признать выдающійся талантъ въ будущемъ великомъ писателѣ. Успѣхъ окрыляетъ его, и въ короткое время онъ создаетъ рядъ новыхъ произведеній: „Утро помѣщика“, повѣсть „Казаки“, продолженіе „Дѣтства“ „Отрочество“ и мелкіе рассказы изъ кавказской жизни. Уже чувствуя, что призваніе его не военная служба, онъ нѣкоторое время остается въ ней, и въ 1854 году, оставивъ Кавказъ, переводится въ Севастополь, гдѣ проводитъ время осадой и пишетъ очерки боевой жизни въ этомъ городѣ. Этими очерками его литературная извѣстность была окончательно упрочена.

Въ одномъ письмѣ Некрасовъ въ слѣдующихъ мѣткихъ словахъ опредѣлялъ „направленіе“ таланта Толстого и то, чѣмъ вообще этотъ талантъ силенъ и новъ: „Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда—правда, которой со смерти Гоголя такъ мало осталось въ русской литературѣ... Эта правда въ томъ видѣ, въ какомъ вносите вы ее въ нашу литературу, есть нѣчто у насъ совершенно новое. Я не знаю писателя теперь, который бы такъ заставлялъ любить себя и такъ горячо себѣ сочувствовать, какъ тотъ, къ которому пишу... Вы молоды; идите какія то перемѣны (писано накануне освобожденія крестьянъ), которыя—будемъ надѣяться—кончатся добромъ и можетъ быть вамъ предстоитъ широкое поприще. Вы начинаете такъ, что заставляете самыхъ ослѣпленныхъ людей заискивать въ надеждахъ очень далеко...“ Статья Толстого о Севастополѣ—чудо! Я прослезился читая ее и кричалъ ура—пишетъ въ одномъ письмѣ Тургеневъ, а въ другомъ: „Дай только Богъ Толстому пожить, и онъ, надѣюсь, еще удивитъ насъ всѣхъ—это талантъ первостепенный...“ Извѣстенъ и характерный отзывъ писателя, также находившагося тогда въ славѣ, Писемскаго: „Этотъ офицеръ-шляхъ насъ заключаетъ, хоть перо бросай“. Говорятъ, что Императрица Александра Федоровна плакала, читая первый севастопольскій очеркъ Толстого, а Государь Николай I приказалъ „слѣдить за жизнью молодого писателя и перевести его въ болѣе безопасное мѣсто“.

Нѣтъ возможности передавать здѣсь въ подробности содержаніе названныхъ нами произведеній Толстого. Достаточно указать нѣкоторыя общія черты ихъ, и на первомъ мѣстѣ отмѣтить, что всѣ они болѣе или менѣе полно изображаютъ внутреннюю жизнь самого Толстого. Коленька Иртеневъ, отъ лица котораго ведется рассказъ въ воспоминаніяхъ дѣтства, отрочества и юности, кн. Нехлюдовъ въ „Утрѣ помѣщика“, Оленинъ въ „Казакахъ“—это въ болѣе или меньшей степени самъ Л. Н., съ его характерными чертами, глубокимъ внутреннимъ саморазборомъ, съ упорной думой надъ собственной и чужой жизнью, съ неуклоннымъ стремленіемъ къ правдѣ, справедливости, съ глубокой искренностью нравственнаго суда надъ собою и отвращеніемъ къ насилию, съ вѣчною думой о вѣчныхъ вопросахъ, въ чемъ правда и смыслъ человѣческой жизни. Внѣшнюю жизнь, русскіе бытъ и нравы, русскую природу съ совершенствомъ изображали многіе писатели, но никогда никто изъ нихъ такъ глубоко не затрагивалъ въ своихъ писаніяхъ вопросы человѣческой совѣсти. Толстого не разъ называли „великою совѣстью“, и эта черта его сказалась уже въ первыхъ его произведеніяхъ. Она поразила русское общество этимъ страннымъ исканіемъ правды, небывалого искренности и правдивостью не только въ изображеніи внѣшности жизни и предметовъ, но и внутренняго міра человѣка.

В особенности новы были изображения военной жизни и в частности жизни в Севастополе. Толстой, можно сказать, открыл русским читателям простото русского солдата с его незамысловатым героизмом, и в тоже время впервые в русской литературе дал в обнаженном виде ужасы войны; обращение к войне проводить его через всю жизнь до наших дней. Здесь же, в этих очерках, ярко подчеркнуты противоречия в жизни человечества, признающего закон любви, заповеданный Христом, и нечаянно и жестоко истребляющего братьев, и Л. Толстой, в раздумьи, в чем же смысл его разсказа, так определяет руководящую его в литературной деятельности мысль: «Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать в этой повести? Кто знает, кто герой ее? Все хороши и все дурны... Герой же моей повести, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен — правда».

По окончании Севастопольской обороны граф Толстой был отправлен курьером в Петербург, и этим кончилась его военная карьера.

Из Севастополя он приехал в Петербург. Молодого писателя, героя, богатого офицера ведь приглашали, ласкали, ведь ему были рады. Но Толстой в это время вращался только среди писателей и снят с ними на двух группах (там изображены Тургенев, Гончаров, Григорович, Панаев и Дружинин, а на другой, кроме того, Некрасов, Соллогуб и Панаев).

Но ни с кем из писателей не сошелся близко Толстой. С Тургеневым они жили на одной квартире и до хрипоты вели вечные споры о своих взглядах.

Жизнь в Петербурге Толстой вел попрежнему легкомысленную. «Люди мне опротивели, и я сам себя опротивил. Я понял, что мы не знаем самого главного: что хорошо и что дурно. Не умеем найти ответа...» писал в это время Лев Николаевич и недовольный надолго уехал из Петербурга.

Из Ясной Поляны в это время Лев Николаевич совершил две поездки за границу. Там он смотрел на новую жизнь, познакомился с выдающимися писателями, слушал лекции, учился, наблюдал и писал по-прежнему.

«Все развивается, и я тоже развиваюсь... А зачем я развиваюсь — это будет видно». И им овладела жажда знаний и более всего его заинтересовало народное образование: в нем он видел силу и могущество народа.

В первую поездку за границу Толстой испытал тяжелое горе: на его руках умер от чахотки любимый брат Николай. Мрачные мысли овладели писателем, и он уехал в Россию, где его стали мучить мысли о смерти. Все, что он писал в это время, было тяжело и мрачно.

Время — лучший убийца всякого горя — успокоило и нашего писателя. А кипучая натура требовала деятельности. И Лев Николаевич основывает в Ясной Поляне школу, с любовью занимается в ней сам, приглашает учителей, составляет буквари, пишет массу рассказов для детей и издает педагогический журнал «Ясная Поляна».

И школа и журнал просуществовали не более трех лет и были закрыты.

Никогда раньше Толстой так тесно не сблизился с крестьянским миром, как во время своего учительства. Каждый день приходилось ему разговаривать с разными «обществами», вести долгие задушевные беседы с ребятами и их отцами.

И в это-то время в душе великого писателя произошла драма. Он сам спросил себя: «Надо ли народу то, что я пишу?» И ответил: «Ничего, не надо». Опять наступила борьба душевная, недовольство собою и своими творениями. И эта борьба едва не лишила Россию ее великого гения...

Но, как счастливо, Лев Николаевич в это время женился на любимой девушке Софии Андреевне Берс. Он всегда мечтал о доброй жене, о тихой семейной жизни в своем поместье и нашел свой идеал. Свадьба его была 1862 года 23 сентября. Вот, что он пишет сам в это время: «Я женился. Новая счастливая условия семейной жизни совершенно отвлекли меня от всякого искания смысла жизни. Вся моя жизнь сосредоточилась за это время на семье и детях. Стремление к усовершенствованию теперь подменилось стремлением к тому, чтобы моей семье было как можно лучше. Несмотря на то, что я считал писательство пустяками, я все-таки продолжал писать».

Так думал в это время писатель и в то же время помимо воли создавать своим гением такое дивное, великое произведение, как «Война и мир».

Лев Николаевич Толстой был очень счастлив в своей семейной жизни. Он часто сам говорил, что нашел в своей жене не только любящего друга и нужную мать, но и деятельную помощницу в его литературной деятельности. Он постоянно посвящал жену во все свои писательские замыслы. Она собственноручно переписывала 10 раз послы исправленного романа «Война и мир». Она с примечательной аккуратностью и бережливостью хранила все драгоценные рукописи мужа. Муж и жена Толстые с горячей любовью занимались воспитанием своих детей и посвящали им все свое время. «Когда дети нуждались в прислуге, им запрещалось приказывать. Они должны были просить, прибавляя непременно слово: «пожалуйста». Так дбали родители и все старшие в семье. Независимо от деликатности и сострадания к ближним, в детях старались развить жалость к животным. Особенно строго преследовалась ложь, и она легко могла повлечь за собой наказание. Самое строгое и тяжелое наказание выражалось в холодности родителей. И как боялись дети огорчить своих добрых, ласковых родителей!»

В Ясной поляне всегда царил веселое, жизнерадостное настроение. Источником его был сам Лев Николаевич. В разговорах рвительно обо всем: о воспитании детей, о событиях, о хозяйстве — его мнение было самое ценное и интересное. Всегда он был весел, добродушен со всеми и остроумен. Он очень много занимался своим хозяйством, но еще больше писал. Работал он очень много, иногда целый день и ночи. Он никогда не жалел вдохновения, но держался того мудрого правила, что стоит лишь сесть писать и вдохновение придет.

«Война и мир» сразу поставила имя Толстого в первый ряд русской литературы. Ни одно из русских произведений не имело такого успеха, как это: им читались все поголовно. После него последовали еще прекрасные романы «Анна Каренина», а затем уже философские сочинения.

После 15 лет полного семейного счастья пылкий, могучий ум Льва Толстого опять задумывается над разными вопросами: «зачем жить? как жить? что нужно человеку для счастья?» Лев Николаевич пишет много философских сочинений и даже дает целую программу жизни, целое свое учение: жизнь по заветам Христа и любовь к ближним — вот главные основы этого учения.

В этот период Лев Николаевич совершенно изменился: он стал жить в своей семье особняком, больше чем просто, — отбавляясь в рабочую блузу, в самый простой вегетарианский стол, *) раздавать свое имущество и усиленно работать с крестьянами в поле и писать для них книги. Он написал в это время массу народных книг и отдал все написанное им с 1881 года на всеобщее пользование, чего не делал никогда ни один писатель. Из более крупных художественных произведений в этот период «перелома» им написаны только «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Хозяин и работник» и два прекраснейших драматических произведения: «Плоды просвещения» и «Власть тьмы».

Любопытную картину жизни дает нам один писатель, посетивший в то время Ясную Поляну:

«Прибыв в Ясную Поляну, я застал Льва Николаевича за кладкой печи у одной вдовы-крестьянки. Я спрашивал у встречных крестьян, не видели ли они Льва Николаевича. Мужики мне отвечали с особенным удовольствием, что граф уже на работе. Войдя в указанную избу, я застал Льва Николаевича перед печкой. Он был погружен в работу и лишь изредка перекидывался словом с хозяйкой. Если бы я раньше не видел Толстого, я бы на этот раз мог его принять за кого-нибудь из деревенских рабочих. Его грязная, вымазанная сажей и глиной, белая рубашка, ремешек вместо пояса, просторные крестьянские сапоги, по голенище запачканные в глину, вполне гармонировали с красивой головой и широкой спиной, на которой выступал сквозь рубашку обильный трудовой пот. Хозяйка же, без малейшего рабочего, даже можно сказать по товарищески, подавала ему совет и, впрочем, в труд Льва Николаевича не видела ничего особенного: ей просто помогать добрый человек».

После завтрака Л. Н. пошел читать или писать и часа через полтора пришел к той избе, где намечалось поставить крышу на сарае. Он оказался в том же наряде, исключая блузы, которую он переменил на более чистую. Вроде, всякому известно, что Л. Н. денежной помощи нуждающемуся человеку не признает, но у себя в деревне он старается принести посильную помощь крестьянам личным трудом, доставлением материала для постройки и для поща.

Дочь графа работала на поле одного из бедных крестьян. Так они помогали ежедневно, где только могли. Лев Николаевич копил, клал печи, шил сапоги, а дочери его жали на полях.

Ежедневно к нему являлись различные посетители: то приходила девушка из деревни, то приехали за какой-нибудь книжкой, то просто издали являлась какая-нибудь барыня, чтобы увидеть его и пожать ему руку. Тут же приходил из дальней деревни крестьянин посоветоваться с ним о домашних делах. Лев Николаевич, внимательно выслушав крестьянина, обстоятельно разъяснил ему, как нужно, по его мнению, во всех затруднявших его случаях поступать согласно учению Христа, и крестьянин, тронутый до слез, удалился, обещая исполнить все так, как посоветовал ему Л. Н. Толстой.

Голодный год (1891—92 г.) прибавил новую блестящую страницу к биографии Толстого. Мы видели, как он учил и искал правды, как переходил от служения силе к служению труду и, наконец, любви. Любовь завершила все и обвила своим крылом могучую, ищущую правды душу...

История голодного года на памяти у всех. Толстой первый нашел выход. Вместе с своей семьей он первый отправился в самую среду голодающих и, пользуясь своим славным именем, кормил в устроенных им столовых сотни и тысячи людей. Он ни на минуту не покидал своего поста. Жертвовав шло к нему со всех концов России, Европы, Америки. Он делал, что мог, спасая близких от голодной смерти.

До самого последнего времени не скудный талант патриарха русской литературы. Каждое событие родной или чужеземной жизни рождало его отклик, вызвало шум, переводилось на все языки, перепечатывалось в миллионах печатных листов.

Последним важнейшим итогом его искания правды, мучительного стремления к духовному совершенству — был отъезд его из родной Ясной поляны, где он оставил все самое дорогое для жизни — семью, дом, родное гнездо; он искал одиночества, «затвора», чтобы уйти в себя, уйти от суетной жизни для новой жизни, и он нашел ее на пути в тайну смерти...

Последние часы жизни Л. Н. Толстого.

Это была страшная ночь — ночь на 7-е ноября. О ней никто не думал. Нервы были напряжены до последней степени. Не давая себе отчета, даже на станции говорили шепотом, словно у самой постели больного. В ненастную осеннюю ночь перебегали тьмы от домика где томился больной, к станции и обратно. И у самого домика, у окон теперь исторической комнаты, где обычно было безлюдно, движутся безшумные тьмы, скрываясь в густом тумане. Каждого проходящего из дома начальника станции засыпают вопросами. И бледные взволнованные лица проходящих прибавляют еще больше тревоги. Внезапное ухудшение, наступившее около 2-х часов ночи, почти уже не оставляло сомнений в печальном исходе.

Больной пережил целый ряд сердечных припадков и впал в забытие. Сознание к нему уже не возвращалось.

Больше он не проронил ни слова. И последними словами его остались те, с которыми он обращался к дочери Татьяне Львовне. Эти слова передают различно, но общий смысл их таков: «Сколько на свете страдающих людей, а вы все только об одном Льве Толстом». Свянной речи от Толстого больше не слышали. То, что он говорил раньше, записано Чертковым и Маковецким.

У постели больного собралась вся семья, в том числе и Софья Андреевна, впервые допущенная к мужу. Медленно тянулись часы тяжелого ожидания. В 6 часов утра больной как буд-

* Стол исключительно из растительной пищи, без мяса.

то очнулся от сна, застонал, вытянулся, глубоко вздохнул — и умер. Умер тихо, без агонии. Так быстро, что не вбилось в смерть. Последняя теплилась надежда: может быть, заснул? Доктор Никитин осторожно приподнял вко, поднес свечу. Зрачек еще реагировал, чуть замѣтно качнулась голова. Но скоро все кончилось. Было 6 ч. 5 м. утра.

В открывшуюся форточку голос сквозь слезы сказал: „Скончался“. Всѣ во дворѣ сняли шапки. Вышелъ изъ дома Буланже и сказалъ: „Да, его нѣтъ больше“, и зарыдалъ. Телеграфные аппараты понесли по всему міру вѣсть великой скорби: „Его больше нѣтъ“.

Тѣло Толстого обмыли, одѣли въ блузу и сѣрые штаны, мягкія туфли, теплые чулки.

Какъ только на станціонномъ поселкѣ и по окрестнымъ деревнямъ разнеслась печальная вѣсть, къ тѣлу усопшаго началось цѣлое паломничество. Вереницы народу двинулись отовсюду къ домику Толстого. Крестьяне, рабочіе, дѣти. Ихъ руки трогательно разукрасили зеленую скромную кровать, гдѣ покоились останки великаго человѣка.

Въ 12 часовъ собралось много народу. Сердца всѣхъ были переполнены неподдѣльной скорбью, и неожиданно всѣ дружно и стройно запѣли „вѣчную память“. Многие плакали. Многие падали на колѣни и низко кланялись праху.

Вечеромъ снова у тѣла покойнаго состоялась импровизированная гражданская панихида. Въ комнатѣ, гдѣ лежалъ Толстой, часто раздавалась „вѣчная память“, кѣмъ-нибудь начатое надгробное пѣніе дружно и благоговѣнно подхватывалось толпой. Пассажиры проходящ. поѣздовъ всѣ отправлялись поклониться усопшему.

Вскорѣ безконечнымъ потокомъ полились телеграммы со всѣхъ концовъ міра, отъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, отъ литературныхъ, просвѣтительныхъ учреждений, отъ обществъ, союзовъ, отъ молодежи.

Въ продолженіе всей ночи съ 7-го на 8-е ноября продолжалось паломничество къ ложу почившаго. Только поздно ночью все стихло. Комната опустѣла.

Въ 5 часовъ утра прибылъ на станцію съ специальнымъ поѣздомъ изъ Москвы дубовый гробъ безъ креста и металлическихъ украшеній. Тѣло переложили до прихода московскаго поѣзда, съ которымъ ждали москвичей.

Железнодорожники установили почетное дежурство у гроба. Прибылъ художникъ Пастернакъ для зарисовки Толстого на смертномъ одрѣ, а также художникъ-академикъ Дзюбинскій, формовщикъ-медальеръ Меркуровъ.

8 ноября въ 1 ч. 15 м. дня отошелъ со ст. Астасово траурный поѣздъ съ гробомъ Л. Н. Толстого на станцію Засѣка мос.-кур. ж. д.

Похороны Л. Н. Толстого.

Траурный поѣздъ прибылъ на ст. Засѣка 9 ноября, въ 6 час. 5 мин. утра. Публика какъ одинъ человѣкъ обнажила головы, запѣла „вѣчную память“.

Печальную процессію открывали пять подводъ съ вѣнками, вслѣдъ за которыми крестьяне несли транспарантъ съ надписью: „Левъ Николаевичъ, память о твоёмъ добрѣ не умретъ среди насъ, осиротѣвшихъ крестьянъ Ясной Поляны“.

Весь 4-хъ верстный путь крестьяне смѣняясь несли гробъ.

Около одиннадцати часовъ процессія приблизилась къ въѣзду въ Ясную Поляну, гдѣ сопровождавшимъ процессію была передача просьба семьи покойнаго обождать съ полчася и дать ей возможность въ семейномъ совѣтѣ обсудить вопросъ о вскрытіи гроба. Самый же гробъ былъ внесенъ въ домъ и помѣщенъ въ нижнемъ этажѣ дома.

Началось прощаніе съ тѣломъ покойнаго. Публика выпускалась въ домъ. Простившіеся тотчасъ выходили, чтобы дать мѣсто другимъ. Привезенными вѣнками была убрана круглая терраса, прилегающая къ нижнему этажу дома.

Долго длится прощаніе, хотя стараются проходить передъ гробомъ возможно скорѣе. Гробъ поставленъ въ той комнатѣ, рядомъ съ библіотекой, которая когда-то служила Льву Николаевичу кабинетомъ. Здѣсь были написаны „Война и миръ“ и „Анна Каренина“... Гробъ поставленъ такъ, что почившій обращенъ къ входящимъ лицомъ.

Въ 2 час. 20 мин. прощаніе кончилось. Сыновья и ближайшіе друзья подняли гробъ. На площадкѣ передъ домомъ обнажили головы, запѣли „вѣчную память“. Когда гробъ показался въ дверяхъ, всѣ опустили на колѣни. Сыновья передали гробъ крестьянамъ, студентамъ, и нѣсколько тысячъ человѣкъ двинулись, окружая гробъ, къ такъ-называемому Графскому Заказнику, къ приготовленной могилѣ.

До могилы отъ дома — полверсты. На исходѣ третьяго часа гробъ донесли до когда-то указаннаго Львомъ Николаевичемъ мѣста. Несли все время подъ звуки „Вѣчная память“. Замолкалъ одинъ хоръ, — начиналъ другой. Когда гробъ былъ у могилы, все затихло. Стало тихо до страннаго. По толпѣ пробѣжалъ шопотъ: „На колѣни“, — и всѣ опустили на землю...

Гробъ тихо спустили въ могилу. Въ 2 часа 50 минутъ она приняла прахъ великаго человѣка. Опять — „Вѣчная память“ и опять тишина. Уналъ первый комъ земли, ударилъ о крышку гроба. И опять всѣ спустились на колѣни. Такъ въ торжественной тишинѣ и безмолвіи разстались мы съ прахомъ Толстого. Скоро края могилы сравнялись съ землей, сталъ расти холмъ намогильный... Въ третій разъ опустили всѣ на колѣни, стояли особенно долго.

Общимъ желаніемъ было, чтобы не раздалось у этой могилы рѣчей. И ихъ не было, — почти не было. Два — три слова были сказаны однимъ толстовцемъ о томъ, что „умеръ великій Левъ, но живъ великій Левъ, живы имъ проповѣданные идеалы кротости и всемірнаго христіанства“. Да еще Л. А. Сулержицкій напомнилъ, почему именно здѣсь, на этомъ мѣстѣ схоронили Льва Николаевича.

Около 4 час. все было кончено. Семья ушла; стали расходиться и остальные.

Въ домикѣ, гдѣ скончался Л. Н. Толстой, правленіемъ дороги прибита доска съ надписью: „7-го ноября здѣсь умеръ Левъ Николаевичъ Толстой“.

Правленіе рязан.-уральской жел. дор. разрѣшило управляющему дорогой очистить отъ жилыхъ помѣщеній домикъ, въ которомъ скончался Л. Н. Толстой. Въ домикѣ предполагается создать музей.

Гдѣ похороненъ Толстой?

Уже было сообщено, что мѣсто могилы Толстого указано давно самимъ Львомъ Николаевичемъ: это — курганъ за паркомъ въ Ясной Полянѣ, гдѣ Толстой игралъ въ дѣтствѣ съ братьями. Дѣйствительно, въ воспоминаніяхъ Толстого, отрывки изъ которыхъ напечатаны въ біографіи писателя, составленной П. Бирюковымъ (г. I, стр. 84—87), Л. Н. опредѣленно указываетъ, гдѣ онъ желалъ бы быть похороненнымъ и почему именно.

„Да, Фанфаронова гора, — говоритъ Левъ Николаевичъ, — это одно изъ самыхъ далекихъ и милыхъ и важныхъ воспоминаній. Старшій братъ Николенька былъ на 6 лѣтъ старше меня. Ему было, стало — быть, 10—11, когда мнѣ было 4 или 5, именно, когда онъ водилъ насъ на Фанфаронову гору... Онъ былъ удивительный мальчикъ и потомъ удивительный человѣкъ... Такъ вотъ онъ — то, когда намъ съ братьями было мнѣ 5, Митенькѣ 6, Сережѣ 7 лѣтъ, объявилъ намъ, что у него есть тайна, посредствомъ которой, когда она откроется, всѣ люди сдѣлаются счастливыми: не будетъ ни болѣзни, никакихъ неприятностей, никто ни на кого не будетъ сердиться, и всѣ будутъ любить другъ друга, всѣ сдѣлаются муравейными братьями, (вѣроятно, это были Моравскіе братья, о которыхъ онъ слышалъ или читалъ, но на нашемъ языкѣ это были муравейные братья). И я помню, что слово „муравейные“ особенно нравилось, напоминая муравьевъ въ кочкѣ. Мы даже устроили игру въ муравейные братья, которая состояла въ томъ, что садились подъ стулья, загораживая ихъ ящиками, завѣшивали платками и сидѣли тамъ въ темнотѣ, прижимаясь другъ къ другу. „Я помню испытывалъ особенное чувство любви и умиленія и очень любилъ эту игру.“

„Муравейные братья“ были открыты намъ, но главная тайна о томъ, какъ сдѣлать, чтобы всѣ люди не знали никакихъ несчастій, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, какъ онъ намъ говорилъ, написана на зеленой палочкѣ и палочка эта зарыта у дороги, на краю стараго Заказа, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ я, такъ какъ надо же гдѣ-нибудь зарыть мой трупъ, просилъ бы въ память Николеньки закопать меня. Кромѣ этой палочки была еще какая-то Фанфаронова гора, на которую онъ говорилъ, можетъ ввести насъ, если только мы исполнимъ всѣ положенныя для того условія... Тотъ, кто исполнитъ эти условія и еще другія, болѣе трудныя, которыхъ онъ откроетъ послѣ, того одно желаніе, какое бы то ни было, будетъ исполнено. Мы должны были сказать наши желанія. Сережа пожелалъ умѣть лѣпить лошадей и куръ изъ воска; Митенька пожелалъ умѣть рисовать всякія вещи, какъ живописецъ, въ большомъ видѣ. Я же ничего не могъ придумать, кромѣ того, чтобы умѣть рисовать въ маломъ видѣ. Все это, какъ это бываетъ у дѣтей, очень скоро забылось, и никто не вошелъ на Фанфаронову гору, но помню ту таинственную важность, съ которой Николенька посвящалъ насъ въ эти тайны, и наше уваженіе и трепетъ передъ

тѣми удивительными вещами, которыя намъ открывались. Въ особенностяхъ же оставило во мнѣ сильное впечатлѣніе муравейное братство и таинственная зеленая палочка, связывающаяся съ нимъ и долженствующая осчастливить всѣхъ людей.

Идеаль муравейныхъ братьевъ, лѣнущихъ любовно другъ къ другу, только не подъ двумя креслами, завѣшанными платками, а подъ всѣмъ небеснымъ сводомъ всѣхъ людей міра, остался для меня тотъ же. И какъ я тогда вѣрилъ, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло въ людяхъ и дать имъ великое благо, такъ я вѣрю и теперь, что есть та истина и что будетъ она открыта людямъ и дастъ имъ то, что она обѣщаетъ.

Такъ объясняетъ самъ Толстой, почему онъ хотѣлъ бы лежать на краю оврага старого Заказа, за яснополянскимъ паркомъ.

Высочайшая отмѣтка.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о кончинѣ Толстого Его Императорское Величество изволилъ начертать слѣдующія слова:

„Душевно сожалью о кончинѣ великаго писателя, воплотившаго во времена расцвѣта своего дарованія въ твореніяхъ своихъ родные образы одной изъ славнѣйшихъ годинъ русской жизни. Господь Богъ да будетъ ему милостивымъ судьей“.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ.

Засѣданіе 10-го ноября.

Предсѣдательствуетъ д. т. с. Акимовъ.

Ложа для публики переполнена. Правыя скамьи пустуютъ.

Предсѣдатель произноситъ рѣчь: „7-го ноября при совершенно исключительныхъ, доходившихъ до трагизма, обстоятельствахъ скончался на 83-мъ году своей жизни графъ Левъ Николаевичъ Толстой. Оставляя въ сторонѣ сочиненія его по вопросамъ религіознымъ и политическимъ, вызвавшимъ какъ со стороны православной церкви, такъ и со стороны консервативн. круговъ нашего о-ва суровое осужденіе, никто, однако, не можетъ отрицать того, что другія произвед., вышедшія изъ-подъ пера усопшаго, обезсмертили его имя, стяжавъ ему всемірн. славу вел. геніальнаго писателя. Этими произведеніями восторгались и будутъ восторгаться многіе поколѣнія. Россія, какъ родина графа Толстого, должна сильнѣе другихъ странъ чувствовать тяжесть утраты родного ей генія. Изъ словъ, начертанныхъ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ о кончинѣ Льва Николаевича, видно, что чувство глубокаго сожалѣнія о смерти великаго писателя проявлено и съ высоты престола нашего отечества. Господа, передъ свѣжей могилой не время явиться судьями надъ вольными и невольными заблужденіями графа Толстого въ его сочиненіяхъ. Непреложнымъ остается одно: Россія въ лицѣ Льва Николаевича утратила геніальнаго писателя, великаго художника русскаго слова. Вотъ, милостивые государи, основанія, обязывающія меня предложить Государственному Совѣту почтить вставаніемъ память великаго писателя земли русской графа Льва Николаевича Толстого“.

Всѣ встаютъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ членовъ крайней правой; нѣкоторые крестятся.

Послѣ перерыва правые члены Совѣта занимаютъ свои мѣста.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Засѣданіе 8 ноября.

Засѣданіе 8 ноября было посвящено вопросу о чествованіи памяти Л. Н. Толстого и продолжалось недолго.

Бѣлый залъ Таврическаго дворца представлялъ торжественный видъ. Депутаты собрались рано, настроеніе приподнятое. Огромное число депутатовъ на мѣстахъ, довольно много пустыхъ креселъ виднѣется только на скамьяхъ правыхъ и націоналистовъ; отсутствуютъ оба епископа и нѣкоторые священники изъ правыхъ. Очень много публики въ трибунахъ.

Съ появленіемъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ А. И. Гучкова въ залѣ водворяется глубокая тишина. Предсѣдатель предлагаетъ почтить вставаніемъ память только-что умершаго члена Государственной Думы о. Златомрежева. Всѣ встаютъ.

Затѣмъ предсѣдатель обращается къ Думѣ съ слѣдующими словами: Наше отечество переживаетъ тяжелое горе. Умеръ графъ Левъ Николаевичъ Толстой, великій мыслитель и великій художникъ, геній, составляющій гордость Россіи и славу всего человѣчества. Господь милосердный да откроетъ передъ нимъ царство небесное. Предлагаю почтить его память вставаніемъ и въ знакъ нашей глубокой печали прервать наши занятія на сегодняшний день. (Всѣ встаютъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ крайнихъ правыхъ). Ставлю на голосованіе предложеніе о перерывѣ занятій.

Замысловскій проситъ слова и говорить, что почитать память Толстого перерывомъ занятій не надлежитъ по соображеніямъ формальнымъ и по суще-

тву. Формально нахожу, что смерть мыслителей, художниковъ, артистовъ и ученыхъ, независимо отъ ихъ значенія и талантности, не должна прерывать занятій Думы. Если желаютъ чествовать этихъ лицъ, могутъ сдѣлать это инымъ путемъ—не прерывомъ занятій Думы, которыя необходимы странѣ и которыя странно оплачиваются. Таковы соображенія общія, я сказалъ бы—формальныя, но, кромѣ того, существуютъ соображенія по существу, относящіяся къ данному случаю. Толстой послѣднее время отрицалъ церковь, государство, семью и собственность. Онъ отрицалъ все то, что мы въ качествѣ государственнаго учрежденія должны охранять и поддерживать. Дѣятельность Толстого за послѣдніе годы была разрушительной. Наша дѣятельность должна быть созидательной. (Одобренія справа). Онъ умеръ въ разрывѣ съ церковью. Церковь отказалась хоронить его. Чествованіе его здѣсь было бы вызовомъ, бросаемымъ церкви, (голоса справа: вѣрно! Голоса въ центрѣ: неправда!) шагомъ, направленнымъ къ тому, чтобы разорвать союзъ церкви съ государствомъ. Знаю, что къ этому многіе стремятся въ Государственной Думѣ, но мы боролісь противъ этого и будемъ бороться. Еще одно самое важное: Дума—это есть учрежденіе государственное, почему и именуется Государственною. Толстой отрицалъ государство и государственныя учрежденія, въ частности отрицалъ Государственную Думу. Чествовать въ государственномъ учрежденіи чловѣка, который это учрежденіе отрицалъ, я считаю самоотрицаніемъ. (Голоса справа: вѣрно!) Я считаю это вещь совершенно недопустимой логически и нелѣпой, и потому я противъ ея протестую. (Рукоплесканія справа, шипяние слѣва).

Предсѣдатель. Ставлю предложеніе о перерывѣ занятій на сегодняшний день на голосованіе.

Предложеніе принято большинствомъ всей Думы противъ крайнихъ правыхъ и нѣсколькихъ націоналистовъ.

Засѣданіе закрыто.

Ходатайство о разрѣшеніи панихидъ.

Послѣ засѣданія октябристы устроили фракціонное собраніе, на которомъ поручили своимъ наиболѣе авторитетнымъ представителямъ,—Родзянко, фонъ-Анрепу и графу Капнисту,—отправиться къ П. А. Столыпину и митрополиту Антонію и настоятельно просить ихъ немедленно разрѣшить православному духовенству совершать панихиды по Л. Н. Толстому.

Попытка Родзянко, фонъ-Анрепа и гр. Капниста добиться отмѣны запрещенія служенія панихидъ по гр. Л. Н. Толстому, кончилась ничѣмъ. П. А. Столыпинъ делегатовъ принялъ, но на ихъ просьбу отвѣтилъ, что свѣтлѣйшій синодъ уже разсмотрѣлъ какъ этотъ вопросъ, такъ и вопросъ о похоронахъ Л. Н. Толстого по обрядамъ православной церкви, что въ немъ были сторонники снятія отлученія отъ церкви, но въ концѣ-концовъ свѣтлѣйшій синодъ все-таки постановилъ запретить и похороны по церковному обряду, и панихиды и что свѣтская власть въ его распоряженіе вмѣшиваться не можетъ. Митрополитъ же Антоній, созлавшись на свою болѣзнь, и совѣтъ не принялъ делегатовъ фракціи союза 17-го октября.

Постановленіе св. Синода о погребеніи Л. Н. Толстого.

Первое извѣстіе о кончинѣ Л. Н. Толстого получено было въ свѣтлѣйшемъ синодѣ 7 ноября, въ 10 час. утра. Тотчасъ же въ покоехъ митрополита Антонія состоялось совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе всѣ три митрополита, оберъ-прокуроръ свѣтлѣйшаго синода Лукьяновъ и управляющій синодальной канцеляріей Григоровскій. Не имѣя никакихъ несомнѣнныхъ данныхъ, подтверждающихъ возвращеніе Льва Николаевича къ православной церкви, совѣщаніе не рѣшило вынести какого-либо опредѣленія относительно погребенія усопшаго и постановило ждать донесенія отъ преосвященнаго Парфенія, епископа тульскаго, командированнаго на станцію Астапово еще 4-го ноября. Ожидались также свѣдѣнія отъ старца Іосифа.

Высказывалось даже предположеніе, что старецъ Іосифъ знаетъ кое что о завѣщательныхъ распоряженіяхъ покойнаго Л. Н.

На случай, если ожидаемыя свѣдѣнія не поступятъ, рѣшено было, на основаніи извѣстнаго доклада тульскаго преосвященнаго, разрѣшить священнику проводить тѣло скончавшагося до могилы съ пѣніемъ „Святый Боже“, т. е. примѣнить къ Л. Н. изданныя въ 1792 г. и вновь подтвержденныя въ 1904 г. правила, касающіяся погребенія „инородцевъ“.

Послѣ совѣщанія съ митрополитомъ Антоніемъ оберъ-прокуроръ Лукьяновъ посѣтилъ членовъ св. синода и обмѣнялся съ ними мыслями по поводу назначеннаго въ 7 час. веч. засѣданія св. синода.

Въ 3 ч. дня предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ сообщилъ оберъ-прокурору св. синода Лукьянову, что имъ получена отъ рязанскаго губернатора кн. Оболенскаго телеграмма, въ которой сообщается, что семья Л. Н. Толстого заявила губернатору желаніе точно исполнить волю покойнаго, который проситъ не совершать надъ нимъ никакихъ церковныхъ обрядовъ, не возлагать на его могилу вѣнковъ, не произносить рѣчей на его похоронахъ и какъ можно скорѣе предать его тѣло землѣ.

Сообщеніе это произвело сильное впечатлѣніе на предсѣдателя совѣта министровъ и оберъ-прокурора св. синода.

Вечернее засѣданіе св. синода состоялось подъ предсѣдательствомъ митрополита Антонія, въ Александро-Невской лаврѣ. Присутствовали: московскій митрополитъ Владиміръ, кievскій Флавіанъ, епископы: самарскій и ставропольскій Константинъ, минскій Михаилъ, оберъ-прокуроръ С. М. Лукьяновъ и его товарищъ сенаторъ Роговичъ.

Оберъ-прокуроръ С. М. Лукьяновъ открылъ засѣданіе рѣчью въ которой отмѣтилъ, что высшая церковная власть сдѣлала все

что было въ ея силахъ, для возвращенія Л. Н. Толстого въ лоно православной церкви.

Св. синодъ, — сказалъ оберъ-прокуроръ, — даже беспокоилъ 83-лѣтняго старца Іосифа и просилъ его лично съѣздить къ больному Л. Н. Толстому. Но люди, окружившіе писателя, не пожелали примиренія его съ церковью и, по имѣющимся свѣдѣніямъ, всячески препятствовали осуществленію желанія высшей церковной власти. Какъ бы это для насъ ни было печально, по мы должны считаться съ фактами. Толстой, несомнѣнно, въ послѣднее время измѣнилъ свое отношеніе къ церкви, къ ея ученіямъ и представителямъ.

Въ заключеніе оберъ-прокуроръ предложилъ іерархамъ сказать свое послѣднее слово по поводу кончины Льва Никол. Толстого.

Обмѣнъ мнѣній продолжался болѣе трехъ часовъ. Одни члены синода указывали на то, что высшая церковная власть вовсе не должна была обсуждать этотъ вопросъ по существу, а также не должна была такъ реагировать на болѣзнь Толстого. Писатель, какъ извѣстно, самъ ушелъ отъ церкви, самъ вызвалъ актъ отлученія. Его ученіе идетъ вразрѣзъ съ христіанствомъ. Отношеніе Л. Н. къ личности Іисуса Христа всѣмъ намъ хорошо извѣстно. До сихъ поръ мы не слышали, что покойный писатель дѣйствительно отказывался отъ своего неуважительнаго міровоззрѣнія. Если Толстой посѣтилъ Оптину пустынь, то это еще не доказываетъ, что онъ раскаялся.

При такихъ условіяхъ неумѣстно поднимать вопросъ о снятіи отлученія съ покойнаго.

Другіе члены синода, опираясь на упомянутый докладъ еп. Парфенія, утверждали противоположное. Намъ кажется, — говорили эти члены синода, что Толстой дѣйствительно стоялъ на распутьѣ и, живи онъ дальше, навѣрное не сегодня—завтра вернулся бы въ лоно церкви.

Послѣ продолжительныхъ преній св. синодъ нашелъ, что, въ виду выраженной какъ Л. Н. Толстымъ, такъ и его семействомъ, воли, считать вопросъ объ отношеніи церкви къ Л. Н. Толстому исчерпаннымъ: Л. Н. Толстой остается по-прежнему отлученнымъ отъ церкви.

Рѣшено предписать епархіальнымъ преосвященнымъ, чтобы они приняли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ недопущенію панихидъ или иныхъ церковныхъ службъ по почившемъ писателѣ.

Обо всемъ этомъ оберъ-прокуроръ св. синода С. М. Лукьяновъ 7-го ноября доложилъ предсѣдателью совѣта министровъ П. А. Столыпину.

Петербургская епархіальная власть, согласно постановленію св. синода, немедленно предписала благочиннымъ петербургской епархіи не допускать панихидъ по Толстому.

Л. Н. Толстой въ народѣ.

(Мысли и наблюденія селянина).

Послѣднія слова умирающаго „великаго писателя земли русской“ были:

— На свѣтѣ миллионы людей, и многіе страдаютъ. Зачѣмъ же вы (врачи и близкіе) здѣсь, около меня одного.

Въ этихъ словахъ нѣчто великое, характеризующее Толстого на грани бытія. Онъ словно подвелъ итогъ своему отношенію къ миллионамъ людей и, самъ страдая, не забылъ о страданіи другихъ и облегченіи людскаго страданія. Десятки лѣтъ посвятилъ онъ работѣ величайшаго вопроса: какъ жить миллионамъ людей и каждому изъ насъ въ отдѣльности, чтобы быть счастливыми, отрѣшенными отъ страданій во всѣхъ его видахъ. Великій писатель и великій поборникъ правды Божіей, онъ не хотѣлъ умирать иначе, какъ та особенно близкая ему многострадальная масса—крестьяне.

Это напоминаетъ другого великаго писателя О. М. Достоевскаго. Помните, какъ онъ раскрылъ передъ смертью Евангеліе, вынесенное имъ съ каторги, и далъ прочесть близкому человѣку. Это было отъ Матвея гл. III ст. 11: „Іоаннъ же удерживалъ Его и го-

ворилъ: мнѣ надо креститься отъ Тебя и Ты ли приходишь ко мнѣ? Но Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: не удерживай, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить великую правду“. Когда Достоевскому были прочтены эти строки, Ѳеодоръ Михайловичъ сказалъ: „ты слышишь: „не удерживай“—значить я умру“ и закрылъ книгу.

А историческое восклицаніе другого генія—Гете, на грани перехода его въ вѣчность—Свѣта, больше свѣта!—развѣ больше говорить сердцу и совѣсти каждаго изъ насъ, чѣмъ предсмертное слово умирающаго въ нѣсколько лучшей обстановкѣ, чѣмъ мужикъ, нашего русскаго генія Толстого?..

Необъятенъ и дивенъ геній Толстого, какъ необъятна и дивна та многомиллионная масса русскаго народа, надъ которой высился онъ, словно былинный богатырь. Она, эта масса, выдвинула, и сама не вѣдая какъ, своего богатыря, но онъ не отошелъ отъ нея, а ратовалъ цѣлую долгую жизнь за ея долю и черпалъ порою утѣшеніе и силы опять таки въ этой массѣ, выведшей и Поликушку („разказы“) и Платона Каратаева, („Война и Миръ“) и Акима, („Власть тьмы“) и другихъ... Это та масса, которую не сломило ни татарское иго, ни „двунадесятъ языкъ“, ни крѣпостное рабство, ни безпросвѣтная вѣковая тьма, ни страшныя лишенія, по тѣмъ не менѣе проявившая себя Ломоносовыми, Кулибиными, Кольцовыми, Чеховыми, которая дала—

Столько славныхъ, благородныхъ,

Сильныхъ, любящей душой...

И Толстой шелъ въ эту массу, вмѣстѣ съ тѣмъ „взыскавъ“ духовной ясности, и истины. Онъ уходилъ изъ великолѣпныхъ покоевъ Карениныхъ, Воронскихъ, Трубецкихъ, Ростовыхъ и Нехлюдовыхъ,—является въ курную темную хижину больного или усталого крестьянина. Графъ, блестящій офицеръ, богачъ, гениальный художникъ, счастливый семьянинъ—онъ тоскуетъ о людскомъ горѣ и налагаетъ на себя крестъ, повинувшись голосу великой совѣсти: *иди и ищи правду...*

Въ то время, когда о Толстомъ говоритъ весь міръ, какъ о геніи, онъ, радостный и счастливый, что нашелъ дѣйствительно нужное и важное, занимается кладкой печи у вдовы крестьянина, сборкой сарая у мужика. Работаетъ на-ряду съ мужиками неутомимо, такъ что, когда лѣзетъ на стропила сарая, мужики дивятся:

— Ишь, ишь—куда полѣзъ дѣдъ. И не смается!

А Толстой, потомъ, въ кругу окружающихъ людей, убѣжденно повторялъ, что обязанность каждаго—работать для другихъ. Лучше работать для бѣднаго и съ бѣднымъ въ его особомъ занятіи, нежели работать на высшемъ, болѣе высокомъ, и пожалуй болѣе вознаграждаемомъ умственномъ полѣ...

Послушный тому же внутреннему голосу, Толстой переходитъ отъ изящной художественной прозы къ простымъ народнымъ разговорамъ и, наконецъ, къ проповѣдничеству. Но и здѣсь сказывается все тотъ же геній, большая совѣсть, великое искательство правды.

— Огромный онъ!—говорилъ про Толстого другой знатокъ народной жизни, правдоискатель Г. И. Успенскій.

И что Толстой огроменъ, это доказывается не только сложностью его жизни и дѣятельности во всей ея совокупности, но даже частицей ея—хотя бы тѣми же рассказами изъ народной жизни и для народа. Мнѣ, какъ единицѣ изъ народа, знакомо отношеніе моихъ собратій къ рассказамъ Толстого. Вліяніе рассказовъ—неотразимо. Ихъ мощь поразительна. Съ тѣхъ поръ, какъ издательство „Посредника“ выпустило сотни тысячъ толстовскихъ книжекъ, народъ отвернулся разъ навсегда отъ лубочной литературы. Толстой для него сталъ дороже всего. Его рассказы скрашиваютъ жизнь, озаряютъ душу, ведутъ впередъ, учатъ. Народъ—грамотная масса—читаетъ Толстого, какъ никого. Въ народныхъ библіотекахъ спросъ на его книги—на первомъ мѣстѣ.

И теперь, содрогнувшись отъ горя, множество „малыхъ сихъ“, которыхъ такъ любилъ яснополянскій мудрецъ, ждуть избранныхъ его сочиненій.

Н. И. Новиковъ.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО:

Три смерти.

(Въ сокращеніи).

I.

Была осень. По большой дорогѣ скорою рысью ѣхали карета и коляска. Въ каретѣ сидѣли двѣ женщины: одна была госпожа, худая и блѣдная, другая—горничная.

Сложивъ руки на колѣняхъ и закрывъ глаза, госпожа слабо покачивалась на подушкахъ, заложенныхъ ей за спину, и, слегка наморщившись, внутренне покашливала. Несмотря на то, что глаза были закрыты, лицо госпожи выражало усталость, раздраженіе и страданіе.

Лакей, облокотившись на свое кресло, дремалъ на козлахъ; почтовый ящикъ, покрикивая бойко, гналъ крупную потную четверку, изрѣдка оглядываясь на другого ящика, покрикивавшего сзади въ коляскѣ. Двойные широкіе слѣды шинъ ровно и шибко стлались по известковой грязи дороги. Небо было сѣро и холод-

но, сырая мгла сыпалась на поля и дорогу. Въ каретѣ было душно и пахло одеколономъ и пылью. Больная потянула назадъ голову и медленно открыла глаза. Большіе глаза были блестящи и прекраснаго темнаго цвѣта.

Карета и коляска въѣхали въ деревню и вмѣстѣ остановились у станціи. Изъ коляски вышли мужъ больной женщины и докторъ и подошли къ каретѣ.

— Какъ вы себя чувствуете?—спросилъ докторъ, взявъ ея руку и щупая пульсъ.

— Ну, какъ ты, мой другъ, не устала?—спросилъ мужъ по-французски.—Не хочешь-ли выйти?

— Ничего, то же самое,—отвѣчала больная.—Я не выйду.

Мужъ, постоявъ немного, вошелъ въ станціонный домъ.

— Коли мнѣ плохо, это не резонъ, чтобы вамъ не завтракать,—слегка улыбаясь, сказала больная доктору, который стоялъ у окна.—Никому имъ до меня дѣла нѣтъ...—прибавила она про себя, какъ только докторъ, тихимъ шагомъ отойдя отъ нея, рысью въѣхалъ на ступени станціи.—Имъ хорошо, такъ и все равно. О, Боже мой!

— Ну, что, Эдуардъ Ивановичъ?—сказалъ мужъ, встрѣчая доктора и съ веселою улыбкой потирая руки.—Я велѣлъ погребецъ принести; вы какъ думаете насчетъ этого?

— Можно,—отвѣчалъ докторъ.

— Ну, что она?—со вздохомъ спросилъ мужъ, понижая голосъ и поднимая брови.

— Я говорилъ, она не можетъ доѣхать не только до Италіи, до Москвы дай Богъ. Особенно по этой погодѣ.

— Такъ что же дѣлать? Ахъ, Боже мой, Боже мой!—Мужъ закрылъ глаза рукою.—Подай сюда!—прибавилъ онъ человѣку, вносившему погребецъ.

— Оставаться надо было,—пожавъ плечами, отвѣчалъ докторъ.

— Да скажите, что же я могъ сдѣлать?—возразилъ мужъ.—Вѣдь я употребилъ все, чтобы удержать ее: я говорилъ и о средствахъ, и о дѣтяхъ, которыхъ мы должны оставить, и о моихъ дѣлахъ,—она ничего слышать не хочетъ. Она дѣлаетъ планы о жизни за-границей, какъ бы здоровая. А сказать ей объ ея положеніи, вѣдь это значило бы убить ее.

— Да она уже убита, вамъ надо знать это, Василій Дмитричъ. Человѣкъ не можетъ жить, когда у него нѣтъ легкихъ, а легкія опять вырасти не могутъ. Грустно, тяжело, но что жъ дѣлать? Наше и ваше дѣло только въ томъ, чтобы конецъ ея былъ столь возможно спокоенъ. Тутъ духовникъ нуженъ.

— Ахъ, Боже мой, да вы поймите мое положеніе, напоминая ей о послѣдней волѣ!.. Пусть будетъ, что будетъ, а я не скажу ей этого. Вѣдь вы знаете, какъ она добра...

— Все-таки попробуйте уговорить ее остаться до зимняго пути,—сказалъ докторъ, значительно покачивая головой,—а то дорогой можетъ быть худо...

— Что, какъ ты, мой другъ?—сказалъ мужъ, подходя къ каретѣ и прожевывая кусокъ.

— Все одинъ и тотъ же вопросъ,—подумала больная,—а самъ вѣст!

— Ничего,—пропустила она сквозь зубы.

— Знаешь ли, мой другъ, я боюсь, тебѣ хуже будетъ отъ дороги въ эту погоду, и Эдуардъ Ивановичъ то же говорить. Не вернуться ли намъ?

Она сердито молчала.

— Погода, можетъ-быть, поправится, путь установится, и тебѣ бы лучше стало: мы бы и поѣхали всѣ вмѣстѣ.

— Извини меня. Ежели бы я давно тебя не слушала, я бы была теперь въ Берлинѣ и была бы здорова.

— Что жъ дѣлать, мой ангелъ, невозможно было, ты знаешь! А теперь, ежели бы ты осталась на мѣсяцъ, ты бы славно поправилась, я бы кончилъ дѣла, и дѣтей бы мы взяли...

— Дѣти здоровы, а я нѣтъ.

— Да вѣдь пойми, мой другъ, что съ этой погодой, ежели тебѣ сдѣлается хуже дорогой... тогда, по крайней мѣрѣ, дома.

— Что жъ что дома?.. Умереть дома?—вспыльчиво отвѣчала больная.

Но слово „умереть“, видимо, испугало ее,—она умоляюще и вопросительно посмотрѣла на мужа... Онъ опустил глаза и молчалъ. Ротъ больной вдругъ дѣтски изогнулся, и слезы полились изъ ея глазъ. Мужъ закрылъ лицо платкомъ и молча отошелъ отъ кареты.

— Нѣтъ, я поѣду,—сказала больная, поднимая глаза къ небу, сложила руки и стала шептать несвязныя слова.—Боже мой, за что же?—говорила она, и слезы лились сильнѣе.

Она долго и горячо молилась, но въ груди также было больно и тѣсно; въ небѣ, въ поляхъ и по дорогѣ было такъ же сѣро

и пасмурно; и та же осенняя мгла, ни чаще ни рѣже, а все такъ же сыпалась на грязь дороги, на крыши, на карету и на тулупы ямщиковъ, которые, переговариваясь сильными веселыми голосами, мазали и закладывали карету.

II.

Карета была заложена; но ямщикъ мѣшкалъ,—онъ зашелъ въ ямскую избу. Въ избѣ было жарко, душно, темно и тяжело, пахло жильемъ, печенымъ хлѣбомъ, капустой и овчиной. Нѣсколько чело-вѣкъ ямщиковъ были въ горницѣ, кухарка возилась у печи; на печи въ овчинахъ лежалъ больной.

— Дядя Хведоръ! а, дядя Хведоръ!—сказалъ молодой парень, ямщикъ въ тулупѣ и съ кнутомъ за поясомъ, входя въ комнату и обращаясь къ больному.

— Ты чаво, шабала, Оедьку спрашиваешь?—отозвался одинъ изъ ямщиковъ.—Вишь, тебя въ карету ждуть.

— Хочу сапогъ попросить, свои избилъ,—отвѣчалъ парень, вскидывая волосами и оправляя рукавицы за поясомъ. Аль спитъ? А, дядя Хведоръ!—повторилъ онъ, подходя къ печи.

— Чаво?—послышался слабый голосъ, и рыжее худое лицо нагнулось съ печи. Широкая, исхудалая и поблѣднѣвшая рука, покрытая волосами, натягивала армякъ на острое плечо въ грязной рубахѣ.—Дай испить, братъ. Ты чаво?

Парень подаль ковшикъ съ водой.

— Да что, Оедя,—сказалъ онъ, переминаясь,—тебѣ, чай, сапогъ новыхъ не надо теперь, отдай мнѣ,—ходить, чай, не будешь?

Больной, припавъ усталою головою къ глянцевитому ковшу и мокая рѣдкіе отвисшіе усы въ темной водѣ, слабо и жадно пилъ. Спутанная борода его была не чиста, впалые тусклые глаза съ трудомъ поднялись на лицо парня. Отставъ отъ воды, онъ хотѣлъ поднять руку, чтобы отереть мокрыя губы, но не могъ, и отерся о рукавъ армяка. Молча и тяжело дыша носомъ, онъ смотрѣлъ прямо въ глаза парню, собираясь съ силами.

— Може ты кому пообѣщалъ уже?—сказалъ парень.—Такъ даромъ. Главное дѣло мокредъ на дворѣ, а мнѣ съ работой ѣхать, я и подумалъ себѣ: дай у Оедьки сапогъ попрошу,—ему, чай, не надо. Може тебѣ самому надобны, ты скажи?..

Въ груди больного что-то стало переливаться и бурчать; онъ перегнулся и сталъ давиться горловымъ неразрѣшавшимся кашлемъ.

— Ужъ гдѣ надобны!—неожиданно сердито, на всю избу, затрещала кухарка,—второй мѣсяцъ съ печи не слѣзаетъ! Вишь, надрывается, даже у самой внутренность болить, какъ слышишь только. Гдѣ ему сапоги надобны? Въ новыхъ сапогахъ хоронить не стануть... А ужъ давно пора, прости, Господи, согрѣшеніе! Вишь, надрывается. Либо перевести его, что ль, въ избу другую или куда! Такія больницы, слышь, въ городу есть; а то развѣ дѣло—занять весь уголъ да и шабашъ? Нѣтъ тебѣ простору никакого. А тоже чистоту спрашиваютъ!

— Эй, Серега, иди, садись, господа ждуть!—крикнулъ въ дверь почтовый староста.

Серега хотѣлъ уйти, не дождавшись отвѣта, но больной глазами во время кашля давалъ ему знать, что хочетъ отвѣтить.

— Ты сапоги возьми, Серега,—сказалъ онъ, подавивъ кашель и отдохнувъ немного.—Только, слышь, камень купи, какъ помру,—хрипя прибавилъ онъ.

— Спасибо, дядя! Такъ я возьму; а камень, ей-ей, куплю.

— Вотъ, ребята, слышали?—могъ выговорить еще больной и снова перегнулся внизъ и сталъ давиться.

— Ладно, слышали,—сказалъ одинъ изъ ямщиковъ.—Иди, Серега, садись, а то вонъ опять староста бѣжитъ. Барыня, вишь, ширкинская больная.

Серега живо скинулъ свои прорванные, несоразмѣрно большіе сапоги и швырнулъ подъ лавку. Новые сапоги дяди Оедора пришлились какъ разъ по ногамъ, и Серега, поглядывая на нихъ, вышелъ къ каретѣ.

— Эхъ, сапоги важные! Дай помажу,—сказалъ ямщикъ съ помазкомъ въ рукѣ, въ то время, какъ Серега, взлѣзая на козлы, подбиралъ вожжи.—Даромъ отдашь?

— Аль завидно?—отвѣчалъ Серега, приподнимаясь и подвертывая около ногъ полы армяка.—Пушай! Эхъ вы, любезныя!—крикнулъ онъ на лошадей, взмахнулъ кнутикомъ, и карета и коляска съ своими сѣдоками, чемаданами и ваками, скрываясь въ сѣромъ осеннемъ туманѣ, шибко покатилась по мокрой дорогѣ.

Больной ямщикъ остался въ душной избѣ на печи и, не выкашлявшись, черезъ силу перевернулся на другой бокъ и затихъ. Въ избѣ до вечера приходили, уходили, обѣдали,—больного было не слышно. Передъ ночью кухарка взлѣзла на печь и черезъ его ноги достала тулупъ.

— Ты на меня не сердчай, Настасья,—проговорилъ больной,—скоро опростаю уголъ-то твой.

— Ладно, ладно, что жь, ничаво,—пробормотала Настасья.— Да что у тебя болить-то, дядя, ты скажи?

— Все нутро изныло. Богъ его знаетъ что.

— Небось, и глотка болить, какъ кашляешь?

— Вездѣ больно. Смерть моя пришла, вотъ что! Охъ-охъ-охъ!..—простоналъ больной.

— Ты ноги-то укрой вотъ такъ,—сказала Настасья, по дорожѣ натягивая на него армякъ и слѣзая съ печи.

Ночью въ избѣ слабо свѣтилъ ночникъ. Настасья и человѣкъ десять ямщиковъ съ громкимъ храпомъ спали на полу и по лавкамъ. Одинъ больной слабо кряхтелъ, кашлялъ и ворочался на печи. Къ утру онъ затихъ совершенно.

— Чудно что-то я нынче во снѣ видѣла,—говорила кухарка, въ полусвѣтѣ потягиваясь на другое утро.—Вижу я, будто дядя Хведоръ съ печи слѣзъ и пошелъ дрова рубить. Дай, говорить, Настя, я тебѣ подсоблю; а я ему говорю: куда ужъ тебѣ дрова рубить! А онъ какъ схватить топоръ да почнетъ рубить, такъ шибко-шибко, только щепки летятъ. Что жь, я говорю, ты вѣдь боленъ былъ? Нѣтъ, говорить, я здоровъ, да какъ замахнется, на меня страхъ и нашелъ. Какъ я закричу... и проснулась.—Ужъ не померъ ли? Дядя Хведоръ! а, дядя!

Оедоръ не откликнулся.

— И то не померъ ли? Пойти посмотришь, сказалъ одинъ изъ проснувшихся ямщиковъ.

Свисшая съ печи худая рука, покрытая рыжеватыми волосами, была холодна и блѣдна.

— Пойти смотрителю сказать. Кажись, померъ,—сказалъ ямщикъ.

Родныхъ у Оедора не было,—онъ былъ дальній. На другой день его похоронили на новомъ кладбищѣ, за рощей, и Настасья нѣсколько дней рассказывала всѣмъ про сонъ, который она видѣла и про то, что она первая хватилась дяди Оедора.

III.

Пришла весна. По мокрымъ улицамъ города, между навозными лѣдинками, журчали торопливые ручьи; цвѣта одеждъ и звуки говора движущагося народа были ярки. Въ садикахъ за заборами пухнули почки деревьевъ, и вѣтки ихъ чуть слышно покачивались отъ свѣжаго вѣтра. Вездѣ лились и капали прозрачныя капли... Воробьи нескладно подпискивали и подпархивали на своихъ маленькихъ крыльяхъ. На солнечной сторонѣ, на заборахъ, домахъ и деревьяхъ, все двигалось и блестяло. Радостно, молодо было на небѣ, и на землѣ, и въ сердцѣ человѣка.

На одной изъ главныхъ улицъ, передъ большимъ барскимъ домомъ, была постанка свѣжаго солома; въ домѣ была та самая умирающая больная, которая слѣзла за границу.

У затворенныхъ дверей комнаты стояли мужъ больной и пожилая женщина. На диванѣ сидѣлъ священникъ, опустивъ глаза и держа что-то завернутымъ въ эпитрахили. Въ углу, въ большомъ креслѣ, лежала старушка, мать больной, и горько плакала. Подлѣ нея горничная держала на рукѣ чистый носовой платокъ, дожидаясь, чтобы старушка спросила его; другая чѣмъ-то терла виски старушки и дула ей подъ чепчикъ на сѣдую голову.

Мужъ былъ въ сильномъ волненіи и казался совершенно растерянь. Онъ направился было къ старушкѣ, но не дойдя нѣсколькихъ шаговъ, повернулся, прошелъ по комнатѣ и подошелъ къ священнику. Священникъ посмотрѣлъ на него, поднялъ брови къ небу и вздохнулъ. Густая съ просѣдью борода тоже поднялась вверхъ и опустилась.

— Боже мой, Боже мой!—сказалъ мужъ.

— Что дѣлать?—вздыхая, сказалъ священникъ, и снова брови и борода его поднялись вверхъ и опустились.

— И матушка тутъ!—почти съ отчаяніемъ сказалъ мужъ.— Она не вынесетъ этого! Вѣдь такъ любить, такъ любить ее, какъ она... я не знаю. Хотѣ бы вы, батюшка, попытались успокоить ее и уговорить уйти отсюда.

Священникъ всталъ и подошелъ къ старушкѣ.

— Точно-съ, материнское сердце никто оцѣнить не можетъ,—сказалъ онъ,—однако Богъ милосердъ.

Лицо старушки вдругъ все стало подергиваться, и она начала всхлипывать.

— Богъ милосердъ,—продолжалъ священникъ, когда она успокоилась немного.—Я вамъ доложу, въ моемъ приходѣ былъ одинъ больной, много хуже Маріи Дмитріевны, и что же?—просто мѣщанинъ травами вылѣчилъ въ короткое время. И даже мѣщанинъ этотъ самый теперь въ Москвѣ. Я говорилъ Василию Дмитріевичу—можно бы испытать. По крайности, утѣшеніе для больной бы было. Для Бога все возможно.

— Нѣтъ, уже ей не жить!—проговорила старушка.—Чѣмъ бы меня, а ее Богъ беретъ.

И она разрыдалась такъ, что чувства оставили ее.

Между тѣмъ въ другой комнатѣ, сестра сидѣла подлѣ больной и искусно веденнымъ разговоромъ старалась приготовить ее къ мысли о смерти. Докторъ у другого окна мѣшалъ питье.

Больная, въ бѣлой кофтѣ, вся обложенная подушками, сидѣла на постели и молча смотрѣла на сестру.

— Ахъ, мой другъ,—сказала она, неожиданно перебивая ее,—не приготовляйте меня! Не считайте меня за дитя. Я—христианка. Я все знаю. Я знаю, что мнѣ жить недолго; я знаю, что ежели бы мужъ мой раньше послушалъ меня, я бы была въ Италіи и, можетъ быть, даже навѣрно, была бы здорова. Это всѣ ему говорили. Но что же дѣлать, видно Богу было такъ угодно. На всѣхъ насъ много грѣховъ, я знаю это; но надѣюсь на милость Бога, всѣмъ простится, должно-быть, всѣмъ простится. Я стараюсь понять себя. И на мнѣ было много грѣховъ, мой другъ. Но зато сколько я выстрадала! Я старалась сносить съ терпѣніемъ свои страданія.

— Такъ позвать батюшку, мой другъ? Вамъ будетъ еще легче причастившись,—сказала сестра.

Больная нагнула голову въ знакъ согласія.

— Боже, прости меня грѣшную!—прошептала она.

Сестра вышла и мигнула батюшкѣ.

— Это—ангелъ!—сказала она мужу со слезами на глазахъ.

Мужъ заплакалъ, священникъ прошелъ въ дверь, старушка все еще безъ памяти, и въ первой комнатѣ стало совершенно тихо. Черезъ пять минутъ священникъ вышелъ изъ двери и, снявъ эпитрахиль, оправилъ волосы.

— Слава Богу, она спокойнѣе теперь, сказалъ онъ,—желаютъ васъ видѣть.

Сестра и мужъ вошли. Больная тихо плакала, глядя на образъ.

— Поздравляю тебя, мой другъ!—сказалъ мужъ.

— Благодарствуй... Какъ мнѣ теперь хорошо стало, какую непонятную сладость я испытываю!—говорила больная, и легкая улыбка играла на ея тонкихъ губахъ.—Какъ Богъ милостивъ, не правда ли?... Онъ милостивъ и всемогущъ!

И она снова съ жадной мольбой смотрѣла полными слезъ глазами на образъ.

Потомъ вдругъ какъ будто что-то вспомнилось ей. Она знаками подзвала къ себѣ мужа.

— Ты никогда не хочешь сдѣлать, что я прошу...—сказала она слабымъ и недовольнымъ голосомъ.

Мужъ, вытянувъ шею, покорно слушалъ ее.

— Что, мой другъ?

— Сколько разъ я говорила, что эти доктора ничего не знаютъ. Есть простыя лекарки, онѣ вылѣчиваютъ... Вотъ батюшка говорилъ... мѣщанинъ... Пошли!

— За кѣмъ, мой другъ?

— Боже мой, ничего не хочетъ понимать!..

И больная сморщилась и закрыла глаза.

Докторъ, подойдя къ ней, взялъ ее за руку. Пульсъ замѣтно бился слабѣе и слабѣе. Онъ мигнулъ мужу. Больная замѣтила этотъ жестъ и испуганно оглянулась. Сестра отвернулась и заплакала.

— Не плачь, не мучь себя и меня,—говорила больная,—это отнимаетъ у меня послѣднее спокойствіе.

— Ты—ангелъ!—сказала сестра, цѣлуя ея руку.

— Нѣтъ, сюда поцѣлуй,—только мертвыхъ цѣлуютъ въ руку... Боже мой, Боже мой!

Въ тотъ же вечеръ больная уже была тѣло, и тѣло въ гробу стояло въ залѣ большого дома. Въ большой комнатѣ съ затворенными дверьми сидѣлъ одинъ дьячокъ и въ носъ, мѣрнымъ голосомъ, читалъ пѣсни Давида. Яркій восковой свѣтъ съ высокихъ серебряныхъ подсвѣчников падалъ на блѣдный лобъ усопшей, на тяжелыя восковыя руки и окаменѣлыя складки покрыва, страшно поднимающагося на колѣняхъ и пальцахъ ногъ. Дьячокъ, не понимая своихъ словъ, мѣрно читалъ, и въ тихой комнатѣ странно звучали и замирали слова. Изрѣдка изъ дальней комнаты долетали звуки дѣтскихъ голосовъ и ихъ топота.

„Сокроешь лицо Твое—смущаются,—гласила псалтирь,—возьмешь отъ нихъ духъ—умираютъ и въ прахъ свой возвращаются. Пошлешь духъ Твой—созидаются и обновляютъ лицо земли. Да будетъ Господу слава во-вѣки“.

Лицо усопшей было строго и величаво. Ни въ чистомъ холодномъ лбу, ни въ твердо сложенныхъ устахъ ничего не двигалось. Она вся была вниманіе. Но понимала ли она хоть теперь великія слова эти?

IV.

Черезъ мѣсяцъ надъ могилой усопшей воздвигалась каменная часовня. Надъ могилой ямщика все еще не было камня, и только

свѣтлозеленая трава пробивалась надъ бугоркомъ, служившимъ единственнымъ признакомъ прошедшаго существованія челоуѣка.

— А грѣхъ тебѣ будетъ, Серега,—говорила разъ кухарка на станціи,—коли ты Хведору камня не купишь. Ты говорилъ—зима, зима, а нынче что жъ слова не держишь? Вѣдь при мнѣ было.

— Да что, я развѣ отрекаюсь?—отвѣтилъ Серега,—я камень куплю, какъ сказалъ, куплю, въ полтора дѣлковыхъ куплю. Я не забылъ, да вѣдь привезть надо. Какъ случай въ городъ будетъ, такъ и куплю.

— Ты бы хошь крестъ поставилъ, вотъ что,—отозвался старый ямщикъ: а то и впрямь дурно. Сапоги-то носишь.

— Гдѣ его возьмешь, крестъ-то?.. изъ полѣна не вытешешь.

— Что говоришь-то—изъ полѣна не вытешешь? Возьми топоръ да въ роуцу пораньше сходи, вотъ и вытешешь. Усинку ли, что ли, срубишь, вотъ и голубецъ будетъ.

Раннимъ утромъ, чуть зорька, Серега взялъ топоръ и пошелъ въ роуцу.

На всемъ лежалъ холодный бѣловатый покровъ еще падавшей, не освѣщенной солнцемъ росы. Востокъ незамѣтно яснѣлъ, отражая свой слабый свѣтъ на подернутомъ тонкими тучами сводѣ неба. Ни одна травка внизу ни одинъ листокъ на верхней вѣткѣ дерева не шевелились. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ деревьевъ или шелеста по землѣ нарушали тишину лѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ звукъ разнесся и замеръ на опушкѣ лѣса. Но снова послышался звукъ и равномерно сталъ повторяться внизу около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ макушъ необычайно затрепетала, сочные листья ея зашептали что-то, и малиновка, сидѣвшая на одной изъ вѣтвей ея, со свистомъ перепорхнула два раза и, подергивая хвостомъ, сѣла на другое дерево.

Топоръ низомъ звучалъ глуше и глуше; сочные бѣлыя щепки летѣли на росистую траву, и легкій трескъ послышался изъ-за ударовъ. Дерево вздрогнуло всѣмъ тѣломъ, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колеблясь на своемъ корнѣ. На мгновеніе все затихло; но снова погнулось дерево, послышался трескъ въ его стволѣ, и, ломая сучья и спустивъ вѣтви, оно рухнулось макушкой на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли. Малиновка свистнула и вспорхнула выше. Вѣтка, которую она зацѣпила своими крыльями, покачалась нѣсколько времени и замерла, какъ и другія, со всѣми своими листьями. Деревья еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями.

Первые лучи солнца, пробивъ сквозившую тучку, блеснули въ небѣ и побѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ переливаться въ лощинахъ; роса блестя заиграла на зелени; прозрачныя побѣлѣвшія тучки, спѣша, разбѣгались по синѣвшему своду. Птицы гомозились въ чащѣ и какъ потерянные щебетали что-то счастливое; сочные листья радостно и спокойно шептались на вершинахъ, и вѣтви живыхъ деревьевъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ поникшимъ деревомъ.

Хозяинъ и работникъ.

(Въ краткомъ извлеченіи *).

— Авѣдь мы опять сбились!—сказалъ Василій Андреичъ, останавливая лошадь.

Никита молча вылѣзъ изъ саней и, придерживая свой халатъ, то липнувшій къ нему по вѣтру, то отворачивающійся и слѣзавшій съ него, пошелъ лазить по снѣгу; пошелъ въ одну сторону, пошелъ въ другую. Разъ три онъ скрывался совсѣмъ изъ вида. Наконецъ, онъ вернулся и взялъ вожжи изъ рукъ Василія Андреича.

— Вправо ѣхать надо,—сказалъ онъ строго и рѣшительно, поворачивая лошадь.

— Ну вправо, такъ вправо пошелъ,—сказалъ Василій Андреичъ, отдавая вожжи и засовывая озябшія руки въ рукава.—Хоть-бы назадъ въ Гришкино вывезла,—сказалъ онъ.

*) Разсказъ начинается съ того, какъ деревенскій 2-й гильдіи купецъ, мѣстный церковный староста, Василій Андреевичъ Брехуновъ, на другой день своего престольнаго праздника (зимняго Николы), вмѣстѣ съ работникомъ Никитой, отправился къ сосѣднему помѣщику для выгодной покупки роши. Дѣло было подъ вечеръ. Поднялась погода. Путники сбились съ дороги, но скоро прѣхали въ деревню. Обогрѣвшись, Василій Андреевичъ рѣшилъ ѣхать дальше, не смотря на уговоры крестьянъ остаться ночевать. Путники снова потеряли дорогу, пришлось ночевать въ полѣ. Картина блужданія въ полѣ, страшная ночь, проведенная здѣсь, и чувства, испытанныя хозяиномъ и работникомъ—поразительно ярко, художественно и правдиво воспроизводятся авторомъ; эти отрывки мы и приводимъ здѣсь.

Никита не отвѣчалъ.

— Ну, дружокъ, потрудишься, крикнулъ онъ на лошадь, но лошадь, не смотря на потряхиванье вожжей, шла только шагомъ. Снѣгъ былъ кое-гдѣ по колѣно, и сани подергивались рывомъ съ каждымъ движеніемъ лошади.

Никита досталъ кнутъ, висѣвшій на передкѣ, и стегнулъ. Добрая, непривычная къ кнуту лошадь рванулась, пошла рысью, но тотчасъ-же опять перешла на иноходъ и шагъ. Такъ проѣхали минутъ пять. Было такъ темно и такъ курило сверху и снизу, что дуги иногда не было видно. Сани, казалось, иногда стояли на мѣстѣ, и поле бѣжало назадъ. Вдругъ лошадь круто остановилась, очевидно чуя что то неладное передъ собой. Никита опять легко выскочилъ, бросая вожжи, и пошелъ впередъ лошади, чтобы посмотрѣть, чего она остановилась; но, только-что онъ хотѣлъ ступить шагъ передъ лошадью, какъ ноги его поскользнулись, и онъ покатился подъ какою-то кручу.

— Тпру, тпру, тпру,—говорилъ онъ себѣ, падая и стараясь остановиться, но не могъ удержаться и остановился, только вѣзавшіеся ногами въ нанесенный внизу оврага толстый слой снѣга.

Нависшій съ края кручи сугробъ, растревоженный паденіемъ Никиты, насыпался на него и засыпалъ ему снѣгу за шиворотъ...

— Эка ты какъ!—укоризненно проговорилъ Никита, обращаясь къ сугробу и къ оврагу и вытряхивая снѣгъ изъ-за воротника.

— Микитъ, а Микитъ!—кричалъ Василій Андреичъ сверху. Но Никита не откликался ему.

Сажени на три отъ того мѣста, гдѣ онъ скатился, онъ съ трудомъ вылѣзъ на четверенькахъ на гору и пошелъ по краю оврага къ тому мѣсту, гдѣ должна была быть лошадь. Лошади и саней онъ не видалъ; но, такъ какъ онъ шелъ на вѣтеръ, онъ прежде, чѣмъ увидалъ ихъ, услышалъ крикъ Василія Андреича и ржанье Мухортаго, звавшихъ его.

Опять поѣхали, опять ходилъ Никита падая по снѣгу, опять садился, опять падалъ и, наконецъ, запыхавшись остановился у саней.

— Ну что?—спросилъ Василій Андреичъ.

— Да что, вымотался я весь. Да и лошадь становится.

— Такъ что же дѣлать?

— Да вотъ постой.—Никита опять ушелъ и скоро вернулся.

— Держи за мной,—сказалъ онъ, заходя передъ лошадью.

Василій Андреичъ уже не приказывалъ ничего, а покорно дѣлалъ то, что говорилъ ему Никита.

— Сюда за мной!—закричалъ Никита, отходя быстро вправо и хватая за вожжу Мухортаго и направляя его въ сугробъ. Лошадь сначала уперлась, но потомъ рванулась, надѣясь проскочить сугробъ, но не осилила и сѣла въ него по хомутъ.—Вылѣзай!—закричалъ Никита на Василія Андреича, продолжавшаго сидѣть въ саняхъ, и, подхвативъ подъ одну оглоблю, сталъ наводить сани на лошадь.—Трудненько, братъ, обратился онъ къ Мухортому,—да что-же дѣлать, понатужься! Но, но, немного!—крикнулъ онъ. Лошадь рванулась разъ, другой, но все-таки не выбралась и опять сѣла. Она поводила ушами и нюхала снѣгъ, положивъ голову на снѣгъ, какъ будто что-то обдумывала.—Что-же, братъ, такъ не ладно,—усоуѣщевалъ Никита Мухортаго.—Ну, еще!—Опять Никита потащилъ за оглоблю съ своей стороны; Василій Андреичъ дѣлалъ то же съ другой. Лошадь пошевелила головой, потомъ вдругъ рванулась.

— Ну! но! не потонешь небось,—кричалъ Никита.

Прыжокъ, другой, третій, и наконецъ лошадь выбралась изъ сугроба и остановилась, тяжело дыша и отряхиваясь. Никита хотѣлъ вести дальше, но Василій Андреичъ такъ запыхался въ своихъ двухъ шубахъ, что не могъ идти и повалился въ сани.

— Дай вздохнуть,—сказалъ онъ, распуская платокъ, которымъ онъ повязалъ въ деревнѣ воротникъ шубы.

— Тутъ ничего, ты лежи,—сказалъ Никита,—я проведу,—и съ Василіемъ Андреевичемъ въ саняхъ провелъ лошадь подъ уздцы внизъ еще шаговъ десять и потомъ немного вверхъ, и остановился.

Мѣсто, на которомъ остановился Никита, было не въ лощинѣ, гдѣ-бы снѣгъ оставался, но оно все-таки отчасти было защищено бугромъ отъ вѣтра. Были минуты, когда за бугромъ вѣтеръ какъ будто немного стихалъ, но это продолжалось недолго и, какъ будто для того, чтобы наверстать этотъ отдыхъ, буря налетала послѣ этого съ удесатеренной силой и еще злѣе рвала и крутила. Такой порывъ вѣтра ударилъ въ ту минуту, какъ Василій Андреевичъ, отдышавшись, вылѣзъ изъ саней и подошелъ къ Никитѣ, чтобы поговорить о томъ, что дѣлать. Оба невольно притгнулись и подождали говорить, пока пройдетъ ярость порыва. Мухортый то-

же недовольно прижималъ уши и трясъ головой. Какъ только немного прошелъ порывъ вѣтра, Никита, снявъ рукавицы и засунувъ ихъ за кушакъ подышавъ въ руки, сталъ отвязывать съ дуги поводокъ.

— Ты что-же дѣлаешь?—спросилъ Василий Андреичъ.

— Отпрягаю, что-же еще дѣлать? Мочи моей нѣтъ,—какъ-бы извиняясь, отвѣчалъ Никита.

— А развѣ не выѣдемъ куда?

— Не выѣдемъ, только лошадь замучаемъ. Вѣдь онъ, сердечный, не въ себѣ сталъ,—сказалъ Никита, указывая на покорно стоящую, на все готовую и тяжело носившую крутыми и мокрыми боками лошадь.—Ночевать надо,—повторилъ онъ, точно какъ будто собирался ночевать на постояломъ дворѣ, и сталъ развязывать супонь. Клещи разскочились.

— А не замерзнемъ мы?—сказалъ Василий Андреичъ.

— Что-же? И замерзнешь, не откажешься,—сказалъ Никита.

IV.

Василию Андреичу въ своихъ двухъ шубахъ было совсѣмъ тепло, особенно послѣ того, какъ онъ повожился въ сугробѣ; но морозъ пробѣжалъ у него по спинѣ, когда онъ понялъ, что дѣйствительно надо ночевать здѣсь. Чтобы успокоиться, онъ сѣлъ въ сани и сталъ доставать папиросы и спички.

Никита между тѣмъ распрягалъ лошадь. Онъ развязалъ подбрюшникъ, черезсѣдельникъ, развожалъ, снялъ гужъ, вывернулъ дугу и, не переставая разговаривать съ лошадью, ободрялъ ее.

— Ну, выходи, выходи,—говорилъ онъ, выводя ее изъ оглобеля.—Да вотъ привяжемъ тебя тутъ. Соломки подложу, да разнуздаю,—говорилъ онъ, дѣлая то, что говорилъ.—Закусишь, тебѣ все веселѣе будетъ.

Но Мухортый, очевидно, не успокоивался рѣчами Никиты и былъ тревоженъ; онъ переступалъ съ ноги на ногу, жался къ санямъ, становясь задомъ къ вѣтру, и терся головой о рукавъ Никиты.

— Теперь примѣту сдѣлаемъ,—сказалъ Никита, повернувшись лицомъ къ вѣтру, и, связавъ оглобли чрезсѣдельникомъ, онъ поднялъ ихъ вверхъ и притянулъ къ передку.—Вотъ, какъ занесетъ насъ, добрые люди по оглоблямъ увидятъ, откопаютъ—сказалъ Никита.—Такъ-то старики учили.

Василий Андреичъ, между тѣмъ, распустивъ шубу и закрываясь полами ея, теръ одну фосфорную спичку за другой о стальную коробку, но руки у него дрожали, и загоравшіяся спички, одна за другою, то еще не разгорѣвшись, то въ самую ту минуту, какъ онъ подносилъ ее къ папиросѣ, задувались вѣтромъ. Наконецъ, одна спичка вся загорѣлась и освѣтила на мгновеніе мѣхъ его шубы, его руку съ золотымъ перстнемъ на загнутомъ внутрь указательномъ пальцѣ и, засыпанную снѣгомъ выбившуюся изъ подъ веретѣя, овсяную солому,—и папироса загорѣлась. Раза два онъ жадно потянулъ, проглотилъ, выпустилъ сквозь усы дымъ, хотѣлъ еще затянуться, но табакъ съ огнемъ сорвало и унесло туда-же, куда и солому.

Но и эти нѣсколько глотковъ табачнаго дыма развеселили Василия Андреича.

— Ночевать такъ ночевать!—сказалъ онъ рѣшительно. И, увидавъ поднятыя оглобли, ему захотѣлось еще усилить эту примѣту и поучить Никиту.—Погоди-же ты, я еще флагъ сдѣлаю,—сказалъ онъ, поднимая платокъ, который онъ, снявъ съ воротника, бросилъ было въ сани. И онъ, снявъ перчатки и вытянувшись, чтобъ достать, тугимъ узломъ привязалъ платокъ къ черезсѣдельнику подлѣ оглобли.

Платокъ тотчасъ-же отчаянно затрепался, то прилипая къ оглоблѣ, то вдругъ отдуваясь, натягивался и шелкалъ.

— Вишь какъ ловко,—сказалъ Василий Андреичъ, любуясь на свою работу, и влѣзъ въ сани.—Теплѣе-бы вмѣстѣ, да вдвоемъ не усядешься,—сказалъ онъ.

— Я мѣсто найду,—отвѣчалъ Никита,—только лошадь укрыть надо, а то взопрѣлъ, сердечный.—Пусти-ка,—прибавилъ онъ и, подойдя къ санямъ, потянулъ изъ-подъ Василия Андреича веретѣе. И, доставъ веретѣе, онъ сложилъ его вдвое и, скинувъ прежде шлею и снявъ сѣделку, покрылъ имъ Мухортаго.

— Все теплѣе тебѣ будетъ, дурачекъ,—говорилъ онъ, надѣвая опять на лошадь сверху веретѣя сѣделку и тяжелую шлею.

— А не нужна вамъ дерюжка будетъ? Да соломки мнѣ дайте,—сказалъ Никита, окончивъ это дѣло и опять подойдя къ санямъ.

И забравъ и то и другое изъ-подъ Василия Андреича, онъ зашелъ за спинку саней, выкопалъ себѣ тамъ въ снѣгу ямку, положилъ въ нее соломы и, нахлобучивъ шапку и закутавшись кафтаномъ, а сверху покрывшись дерюжкой, сѣлъ на посланную солому, прислонясь къ лубочному задку саней, защищавшему его отъ вѣтра и снѣга.

Василий Андреичъ неодобрительно покачалъ головой на то что дѣлалъ Никита, какъ онъ вообще не одобрялъ необразованность и глупость мужицкую, и сталъ устраниваться на ночь.

Онъ разровнялъ оставшуюся солому по санкамъ, подложилъ погуще себѣ подъ бока и, засунувъ руки въ рукава, приладился головой въ уголъ саней къ передку, защищавшему его отъ вѣтра. Спать ему не хотѣлось. Онъ лежалъ и думалъ: думалъ все о томъ же одномъ, что составляло единственную цѣль, смыслъ, радость и гордость его жизни: о томъ, сколько онъ нажилъ и можетъ еще нажить денегъ; сколько другіе, ему извѣстные, люди нажили и имѣютъ денегъ, и какъ эти другіе наживали и наживаютъ деньги, и какъ онъ, такъ же какъ и они, можетъ нажить еще очень много денегъ.

И мысль о томъ, что и онъ можетъ быть такимъ же миллионщикомъ, какъ Мироновъ, который взялся съ ничего, такъ взволновала Василия Андреича, что онъ почувствовалъ потребность поговорить съ кѣмъ-нибудь. Но говорить не съ кѣмъ было... Кабы доѣхать до Горячкина, онъ бы поговорилъ съ помѣщикомъ, вставилъ бы очки ему.

„Ишь ты, дуетъ какъ! Занесетъ такъ, что и не выберемся утромъ“, подумалъ онъ, прислушиваясь къ порыву вѣтра, который дулъ въ передокъ, нагибая его, и сѣкъ его глубоко снѣгомъ.

„И напрасно послушался я Никиту“, думалъ онъ.—„Ѣхать-бы надо, все-бы выѣхали куда-нибудь. Хотъ назадъ-бы доѣхали въ Гришкино, ночевали-бы у Тараса. А то вотъ сиди ночь цѣлую.“

VII.

Никита съ тѣхъ поръ, какъ сѣлъ, накрывшись дерюжкой, за задкомъ саней, сидѣлъ неподвижно. Онъ, какъ и всѣ люди, живущіе съ природой и знающіе нужду, былъ терпѣливъ и могъ спокойно ждать часы, даже не испытывая ни безпокойства, ни раздраженія. Онъ слышалъ, какъ хозяинъ звалъ его, но не откликался потому, что не хотѣлъ шевелиться. Мысль о томъ, что онъ можетъ и даже по всѣмъ вѣроятіямъ долженъ умереть въ эту ночь, пришла ему въ то время, когда онъ усаживался за санями. Хотя ему еще было тепло отъ выпитаго чая и отъ того, что онъ много двигался, лазая по сугробамъ, онъ зналъ, что тепла этого хватить не надолго, а что согрѣваться движеніемъ онъ уже будетъ не въ силахъ, потому что чувствовалъ себя сильно усталымъ, чувствовалъ себя въ томъ состояніи, въ которомъ чувствуетъ себя лошадь, когда она становится, и ее надо кормить, чтобы она вновь могла работать. Кромѣ того, одна нога его въ прорванномъ сапогѣ остыла, и онъ уже не чувалъ въ ней большого пальца. И всему тѣлу его становилось все холоднѣе и холоднѣе.

Мысль о томъ, что онъ умретъ въ нынѣшнюю ночь, показала ему ни особенно непріятной, ни особенно страшной. Не особенно непріятна показалась ему эта мысль потому, что вся его жизнь не была постояннымъ праздникомъ, а напротивъ, была переставшей службой, отъ которой онъ начиналъ уставать. Не особенно-же страшна была эта мысль потому, что кромѣ тѣхъ хозяевъ, какъ Василий Андреичъ, которымъ онъ служилъ здѣсь, онъ чувствовалъ себя въ зависимости отъ главнаго хозяина, Того, Который послалъ его въ эту жизнь, и зналъ, что и умирая онъ останется во власти этого хозяина, а что хозяинъ этотъ не обидитъ.

„Жаль бросать обжитое, привычное? Ну, да что-жъ дѣлать, и къ новому привыкать надо.“

„Грѣхи?“ пришло ему въ голову, и онъ вспомнилъ свое пьянство, пропитыя деньги, обиды женѣ, ругательства, нехождение въ церковь, несоблюденіе постовъ и все то, за что выговаривалъ ему попъ на исповѣди. „Извѣстно, грѣхи. Да что-же, развѣ я самъ ихъ на себя напустилъ? Такимъ, видно, меня Богъ сдѣлалъ. Ну и грѣхи. Куда-жъ дѣнешься?“

Такъ онъ подумалъ о томъ, что можетъ случиться съ нимъ въ эту ночь, и, рѣшивъ это дѣло такимъ образомъ, отдался тѣмъ мыслямъ и воспоминаніямъ, которыя сами собой приходили ему въ голову. То онъ вспоминалъ пріѣздъ Мары, пьянство рабочихъ и свои отказы отъ вина, и теперешнюю поѣздку, и Тарасову избу, и разговоры о дѣлежахъ, и о своемъ маломъ, и о Мухортѣ, который угрѣется теперь подъ попоной, и о хозяинѣ, который скрипитъ санями, ворочаясь въ нихъ. „Тоже я-чай сердечный самъ не радъ, что поѣхалъ“, думалъ онъ, „отъ такого житія помирать не хочется—не то что нашъ братъ“. И всѣ эти воспоминанія и мысли стали переплетаться, мѣшаться въ его головѣ, и онъ заснулъ.

Умиралъ онъ, или засыпалъ, онъ не зналъ, но чувствовалъ себя одинаково готовымъ на то и на другое. Велитъ Богъ проснуться еще живымъ здѣсь въ этомъ мірѣ и по-прежнему жить въ работникахъ, убирать все тѣхъ-же чужихъ лошадей, ѣздить съ чужой рожью на мельницу, все такъ же загуливать и зарекаться

и такъ же отдавать деньги женѣ и все тому-же бондарю и дожидаться все того-же малаго,—Его святая воля. Велитъ Богъ проснуться въ иномъ мірѣ, гдѣ будетъ все такъ же ново и радостно, какъ были новы и радостны здѣсь, въ первомъ дѣтствѣ, ласки матери, игры съ ребятами, луга, лѣса, катанье зимой, и начнется ни на что не похожая, другая, новая жизнь,—Его святая воля. И Никита совершенно потерялъ сознание.

IX.

Довалившись до саней, Василий Андреичъ схватился за нихъ и долго стоялъ такъ неподвижно, стараясь успокоиться и отдышаться. На прежнемъ мѣстѣ Никиты не было, но въ саняхъ лежало что-то, занесенное уже снѣгомъ, и Василий Андреичъ догадался, что это былъ Никита. Страхъ Василия Андреича совершенно прошелъ теперь, и если онъ боялся чего теперь, то только того ужаснаго состоянія страха, который онъ испыталъ на лошади, и въ особенности тогда, когда одинъ остался въ сугробѣ. Надо было во что-бы то ни стало не допустить до себя этого страха, а чтобы не допустить его, надо было не думать о себѣ, надо было думать о чемъ-нибудь другомъ, надо было дѣлать что-нибудь. И потому первое, что онъ сдѣлалъ, было то, что онъ, ставъ задомъ къ вѣтру, распустилъ шубу. Потомъ, какъ только онъ немного отдышался, онъ вытряхнулъ снѣгъ изъ сапогъ, изъ перчатокъ, потомъ вновь, туго и низко, какъ онъ подтягивался, когда выходилъ изъ лавки покупать съ воевъ привозимый мужиками хлѣбъ, затянулся кушакомъ, приготовляясь къ дѣятельности. Первое дѣло, которое представилось ему, было то, чтобы выпростать ногу лошади. Василий Андреичъ и сдѣлалъ это, и, освободивъ поводъ, привязалъ Мухортаго опять къ желѣзной скобѣ у передка къ старому мѣсту и сталъ заходить сзади лошади, чтобы оправить на ней шлею, сѣделку и веретѣе. Но въ это время онъ увидалъ, что въ саняхъ зашевелилось что-то и изъ-подъ снѣга, которымъ она была засыпана, поднялась голова Никиты. Очевидно съ большимъ усиліемъ, мужикъ приподнялся и сѣлъ, какъ-то странно, точно отгоняя мухъ, махалъ передъ носомъ рукой и говорилъ что-то, какъ показалось Василию Андреичу, призывая его.

Василий Андреичъ оставилъ веретѣе, не поправивъ его, и пошелъ къ санямъ.

— Чего ты?—спросилъ онъ.—Чего говоришь?

— Поми-ми-мираю я, вотъ что,—съ трудомъ, прерывистымъ голосомъ выговорилъ Никита.—Зажитое малому отдай. Али бабѣ—все одно.

— А что-жъ, али зязябъ?—спросилъ Василий Андреичъ.

— Чую, смерть моя... Прости, Христа ради...—сказалъ Никита плачущимъ голосомъ, все продолжая, точно обмахивая мухъ, махать передъ лицомъ руками.

Василий Андреичъ съ полминуты постоялъ молча и неподвижно, потомъ вдругъ, съ той же рѣшительностью, съ которой онъ ударялъ по рукамъ при выгодной покупкѣ, онъ отступилъ шагъ назадъ, засучилъ рукава шубы и обѣими руками принялся выгребать снѣгъ съ Никиты и изъ саней. Выгребши снѣгъ, Василий Андреичъ поспѣшно распоясался, расправилъ шубу и, толкнувъ Никиту, легъ на него, покрывая его не только своей шубой, но и всѣмъ своимъ теплымъ разгоряченнымъ тѣломъ.

Заправляя руками полы шубы между лубкомъ саней и Никитой и колѣнками ногъ, прихвативъ ея подолъ, Василий Андреичъ лежалъ такъ ничкомъ, упершись головой въ лубокъ передка, и теперь уже не слышалъ ни движеній лошади, ни свиста бури, а только слушалъ дыханіе Никиты. Никита сначала долго лежалъ неподвижно, потомъ громко вздохнулъ и пошевелился, очевидно согрѣваясь.

— А, вотъ то-то, а ты говоришь помирать. Лежи, грѣйся, мы вотъ какъ...—началъ было Василий Андреичъ.

Но дальше онъ, къ своему великому удивленію, не могъ говорить, потому что слезы ему выступили на глаза, и нижняя челюсть быстро запрыгала. Онъ пересталъ говорить и только глоталъ то, что подступило ему къ горлу.

„Натрапался я видно, ослабъ вовсе“, подумалъ онъ на себя. Но слабость эта его не только не была ему неприятна, но доставляла ему какую-то особенную, неиспытанную еще никогда радость.

— Мы вотъ какъ!—говорилъ онъ себѣ, испытывая какое-то особенное умиленное торжество. Довольно долго онъ лежалъ такъ молча, вытирая глаза о мѣхъ шубы и подбирая подъ колѣна все заворачиваемую вѣтромъ правую полу шубы.

Но ему такъ страстно захотѣлось сказать кому-нибудь про свое радостное состояніе.

— Микита!—сказалъ онъ.

— Хорошо, тепло,—откликнулось ему снизу.

— Такъ-то, братъ! Пропалъ-было я. И ты-бы замерзъ, и я-бы...

Но тутъ опять у него задрожали скулы, и глаза его опять наполнились слезами, и онъ не могъ дальше говорить.

„Ну, ничего“,—подумалъ онъ.—„Я самъ про себя знаю, что знаю, —и онъ замолкъ.“

Нѣсколько разъ онъ взглядывалъ на лошадь и видѣлъ, что спица ея раскрыта и веретѣе съ шлеею висятъ на снѣгу, что надо бы встать и покрыть лошадь, но онъ не могъ рѣшиться ни на минуту оставить Никиту и нарушить то радостное состояніе, въ которомъ онъ находился. Страха онъ теперь не испытывалъ никакого.

Ему было тепло снизу отъ Никиты, тепло и сверху отъ шубы; только руки, которыми онъ придерживалъ полы шубы по бокамъ Никиты, и ноги, съ которыхъ вѣтеръ безпрестанно сворачивалъ шубу, начинали забнуть. Но онъ не думалъ о нихъ, а думалъ только о томъ, какъ бы отогрѣть лежащаго подъ собой мужика.

— Небось, не вывернется,—говорилъ онъ самъ себѣ про то, что онъ отогрѣетъ мужика, съ тѣмъ же хвастовствомъ, съ которымъ онъ говаривалъ про свои покупки и продажи.

Такъ пролежалъ Василий Андреичъ довольно долго. Сначала въ воображеніи его носились впечатлѣнія мятели, оглобеля и лошади подъ дугою, трясущихся передъ глазами, и вспоминалось о Никитѣ, лежащемъ подъ нимъ; потомъ стали примѣшиваться воспоминанія о праздникѣ, женѣ, станомъ, свѣчномъ ящикѣ, и опять Никитѣ, лежащемъ подъ этимъ ящикомъ; потомъ стали представляться мужики, продающіе и покупающіе, и бѣлые стѣны, и дома, крытые желѣзомъ, подъ которыми лежалъ Никита, потомъ все это смѣшалось, одно вошло въ другое и, какъ цвѣта радуги, соединяющіеся въ одинъ бѣлый цвѣтъ, всѣ разныя впечатлѣнія сошлись въ одно ничто, и онъ заснулъ. Онъ спалъ долго безъ сновъ, но, передъ разсвѣтомъ опять появились сновидѣнія. Представилось ему, что стоитъ онъ будто у свѣчнаго ящика, и Тихонова баба требуетъ у него 5-ти копеечную свѣчу къ празднику, и онъ хочетъ взять свѣчу и дать ей, но руки не поднимаются, а зажаты въ карманахъ. Хочетъ онъ обойти ящикъ, и ноги не движутся, а калоши новыя, чищенные, приросли къ каменному полу и ихъ не поднимешь, и ногъ изъ нихъ не вынешь. И вдругъ свѣчной ящикъ становится не свѣчнымъ ящикомъ, а постелью, и Василий Андреичъ видитъ себя лежащимъ на брюхѣ на свѣчномъ ящикѣ, т. е. на своей постели въ своемъ домѣ. И лежитъ онъ на постели и не можетъ встать, а встать ему надо, потому что сейчасъ зайдетъ за нимъ Иванъ Матвѣичъ, становой, и съ Иванъ Матвѣичемъ надо идти либо торговать рошу, либо поправить шлею на Мухортномъ. И спрашиваетъ онъ у жены:—Что же, не заходилъ?—Нѣтъ, говоритъ, не заходилъ.—И слышитъ онъ, что подѣзжаетъ кто-то къ крыльцу.—Должно онъ.—Нѣтъ, мимо.—Миколавна, а Миколавна, что-жъ, все нѣту?—Нѣту.—И онъ лежитъ на постели и все не можетъ встать, и все ждетъ, и ожиданіе это и жутко, и радостно. И вдругъ радость совершается, приходитъ тотъ, кого онъ ждалъ, и это ужъ не Иванъ Матвѣичъ становой, а кто-то другой, но тотъ самый, кого онъ ждетъ. Онъ пришелъ и зоветъ его и этотъ тотъ, кто зоветъ его,—тотъ самый, который кликнулъ его и велѣлъ ему лечь на Никиту. И Василий Андреичъ радъ, что этотъ кто-то пришелъ за нимъ.—Иду!—кричитъ онъ радостно. И крикъ этотъ будитъ его.

И онъ просыпается, но просыпается совсѣмъ уже не тѣмъ, какимъ онъ заснулъ. Онъ хочетъ встать и не можетъ; хочетъ двинуть рукой, не можетъ; ногой—тоже не можетъ. Хочетъ повернуть головой и того не можетъ. И онъ удивляется, но нисколько не огорчается этимъ. Онъ понимаетъ, что это смерть, и нисколько не огорчается и этимъ. И онъ вспоминаетъ, что Никита лежалъ подъ нимъ, и что онъ угрѣлся и живъ, и ему кажется, что онъ—Никита, а Никита—онъ, и что жизнь его не въ немъ самомъ, а въ Никитѣ. Онъ напрягаетъ слухъ и слышитъ дыханіе, даже слабый храпъ Никиты.—„Живъ Никита, значитъ живъ и я“,—съ торжествомъ говоритъ онъ себѣ. И что-то совсѣмъ новое, такое, чего онъ не зналъ во всю жизнь свою, сходится на него.

И онъ вспоминаетъ про деньги, про лавку, домъ, покупки, продажи, и про миллионы Мироновыхъ, и ему трудно понять, зачѣмъ этотъ человекъ, котораго звали Василиемъ Брехуновымъ, занимался всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ занимался.—„Что-жъ, вѣдь онъ не зналъ, въ чемъ дѣло“,—думалъ онъ про Василия Брехунова. „Не зналъ, такъ теперь знаю. Теперь ужъ безъ ошибки, теперь знаю“. И опять онъ слышитъ зовъ того, кто ужъ окликалъ его.—Иду, иду!—радостно, умиленно говоритъ все существо его. И онъ чувствуетъ, что онъ свободенъ и ничто уже больше не держитъ его.

И больше уже ничего не видѣлъ и не слышалъ и не чувствовалъ въ этомъ мірѣ Василий Андреичъ.

Кругомъ все такъ же курило. Тѣ-же вихри снѣга крутились, засыпали шубу мертваго Василия Андреича и всего трясущагося

Мухортаго и чуть видныя уже сани, и въ глубинѣ ихъ лежащаго, подъ мертвымъ уже хозяиномъ, угрѣвагося Никиту.

X.

Передъ утромъ проснулся Никита. Разбудилъ его опять начавшій пробираться его спину холодъ. Приснилось ему, что онъ ѣдетъ съ мельницы съ возомъ хозяйской муки и у Ляпина взялъ мимо моста и завязилъ возъ. И видитъ онъ, что онъ подлѣзъ подъ возъ и поднимаетъ его, расправляя спину. Но, удивительное дѣло! — возъ не двигается и прилипъ ему къ спинѣ, и онъ не можетъ ни поднять воза, ни уйти изъ-подъ него. Всю поясницу раздавило. Да и холодный-же! Видно, вылезать надо. „Да, будетъ!“ говоритъ онъ кому-то, тому, кто давитъ ему возомъ спину. — „Вынимаи мѣшки!“ — Но возъ все холоднѣе и холоднѣе давитъ его, и вдругъ стучаешь что-то особенное, и онъ просыпается совсѣмъ и вспоминаетъ все. Холодный возъ — это мертвый, замерзшій хозяинъ, лежащій на немъ. А стукнулъ — это Мухортый, ударившій два раза копытами о сани.

— Андреичъ, а Андреичъ! — осторожно, уже предчувствуя истину, окликаетъ Никита хозяина, напруживая спину.

Но Андреичъ не отвѣчаетъ, и брюхо его и ноги — крѣпкія и холодныя, и тяжелыя какъ гири.

„Кончилъ должно. Царство небесное!“ — думаетъ Никита.

Онъ повертываетъ голову, прокапываетъ предъ собою снѣгъ рукою и открываетъ глаза. Свѣтло. Такъ-же свиститъ вѣтеръ въ оглобляхъ, и такъ-же сыплется снѣгъ, съ тою только разницею, что уже не стегаетъ о лубокъ саней, а беззвучно засыпаетъ сани и лошадей, все выше а выше, и движенія и дыханія лошади не слышно больше. „Замерзъ, должно, и онъ“, думаетъ Никита про Мухортаго. И дѣйствительно тѣ удары копытъ о сани, которые разбудили Никиту, были предсмертныя усилія удержаться на ногахъ уже совсѣмъ застывшаго Мухортаго.

— „Господи, Батюшка, видно и меня зовешь“, — говорилъ себѣ Никита. — „Твоя святая воля. А жутко. Ну, да двухъ смертей не бывать, а одной не миновать. Только поскорѣе-бы... И онъ опять прячетъ руку, закрывая глаза, и забывается, вполне увѣренный, что теперь онъ уже навѣрное и совсѣмъ умираетъ.

Уже въ обѣдъ на другой день мужики откопали лопатами Василия Андреича и Никиту, въ 30 саженьяхъ отъ дороги и въ полуверстѣ отъ деревни.

Снѣгъ нанесло выше саней, но оглобли и платокъ на нихъ были еще видны. Мухортый, по брюхо въ снѣгу, со сбившимися со спины шлеей и веретѣмъ, стоялъ весь бѣлый, прижавъ мертвую голову къ закостенѣлому кадыку; поздри обмерзли сосульками, глаза заиндевели и тоже обмерзли точно слезами. Онъ исхудалъ въ одну ночь такъ, что остались на немъ только кости да кожа. Василий Андреичъ застылъ, какъ мороженная туша, и, какъ были у него разставлены ноги, такъ раскорячившись его и отвалили съ Никиты. Ястребиные выпуклые глаза его обмерзли и раскрытый ротъ его подъ подстриженными усами былъ набитъ снѣгомъ. Никита-же былъ живъ, хотя и весь обмороженный. Когда Никиту разбудили, онъ былъ увѣренъ, что теперь онъ уже умеръ, и что то, что съ нимъ теперь дѣлается, происходитъ уже не на этомъ, а на томъ свѣтѣ. Но, когда онъ услышалъ кричащихъ мужиковъ, откапывавшихъ его и сваливавшихъ съ него закоченѣвшаго Василия Андреевича, онъ сначала удивился, что на томъ свѣтѣ также кричатъ мужики, когда-же понялъ, что онъ еще здѣсь, на этомъ свѣтѣ, онъ скорѣе огорчился этимъ, чѣмъ обрадовался, особенно когда почувствовалъ, что у него пальцы на обѣихъ ногахъ отморожены.

Пролежалъ Никита въ больницѣ два мѣсяца. Три пальца ему отняли, а остальные зажили, такъ что онъ могъ работать, и еще двадцать лѣтъ продолжалъ жить сначала въ работникахъ, а потомъ подъ старость въ караульщикахъ. Померъ онъ только въ нынѣшнемъ году дома, какъ желалъ, подъ святыми и съ зажженной восковой свѣчкой въ рукахъ. Передъ смертью онъ просилъ прощенья у своей старухи и простилъ ее за бондаря, простился и съ малымъ и съ внучатами, и умеръ, истинно радуясь тому, что избавляетъ своей смертью сына и сноху отъ обузы лишняго хлѣба, и самъ уже по настоящему переходитъ изъ этой наскучившей ему жизни въ ту иную жизнь, которая съ каждымъ годомъ и часомъ становилась ему все понятнѣе и заманчивѣе. Лучше или хуже ему тамъ, гдѣ онъ послѣ этой настоящей смерти проснулся? разочаровался ли онъ, или нашелъ тамъ то самое, что ожидалъ? — мы всѣ скоро узнаемъ.

Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ.

(Быль).

Въ городѣ Владимірѣ жилъ молодой купецъ Аксеновъ. У него были двѣ лавки и домъ.

Изъ себя Аксеновъ былъ русый, кудрявый, красивый и первый весельчакъ и пѣсенникъ. Смолodu Аксеновъ много пилъ и, когда напивался — буянилъ, но съ тѣхъ поръ, какъ женился, онъ бросилъ пить, и только изрѣдка случалось это съ нимъ.

Разъ лѣтомъ Аксеновъ поѣхалъ въ Нижній на ярмарку. Когда онъ сталъ прощаться съ семьей, жена сказала ему:

— Иванъ Дмитріевичъ, не ѣзди ты нынче, я про тебя дурно во снѣ видѣла.

Аксеновъ посмѣялся и сказалъ:

— Ты все боишься, какъ бы не загулялъ я на ярмаркѣ?

Жена сказала:

— Не знаю сама, чего боюсь, а такъ дурно видѣла, — видѣла, будто бы ты приходишь изъ города, снялъ шапку, а я гляжу: голова у тебя вся сѣдая.

Аксеновъ засмѣялся.

— Ну, это къ прибыли. Смотри, какъ расторгуюсь, дорогихъ гостинцевъ привезу.

И онъ простился съ семьей и уѣхалъ.

На половинѣ дороги съѣхался онъ съ знакомымъ купцомъ и съ нимъ вмѣстѣ остановился ночевать. Они напились чаю вмѣстѣ и легли спать въ двухъ комнатахъ рядомъ. Аксеновъ не любилъ долго спать; онъ проснулся среди ночи и, чтобы легче холодкомъ было ѣхать, разбудилъ ямщика и велѣлъ запрягать. Потомъ вышелъ въ черную избу, расцелся съ хозяиномъ и уѣхалъ.

Отѣхавши веретъ сорокъ, онъ опять остановился кормить, отдохнулъ въ сѣняхъ на постояломъ дворѣ и въ обѣдъ вышелъ на крыльцо и велѣлъ поставить самоваръ; досталъ гитару и сталъ играть. Вдругъ ко двору подѣзжаетъ тройка съ колокольчикомъ, и изъ повозки выходитъ чиновникъ съ двумя солдатами, подходит къ Аксенову и спрашиваетъ: кто, откуда? Аксеновъ все рассказываетъ, какъ есть, и проситъ: не угодно ли чайку вмѣстѣ выпить? Только чиновникъ все пристаётъ съ разспросами: „Гдѣ ночевалъ прошлую ночь: одинъ или съ купцомъ? Видѣлъ ли купца поутру? Зачѣмъ рано уѣхалъ со двора?“ Аксеновъ удивился, зачѣмъ его обо всемъ спрашиваютъ: все рассказалъ, какъ было, да и говоритъ: „Что же вы меня такъ выпрашиваете? Я не воръ и не разбойникъ какой-нибудь. Ёду по своему дѣлу, и нечего меня спрашивать“.

Тогда чиновникъ кликнулъ солдатъ и сказалъ:

— Я исправникъ и спрашиваю тебя затѣмъ, что купецъ, съ какимъ ты ночевалъ прошлую ночь, зарѣзанъ. Покажи вещи, а вы общитѣ его.

Взошли въ избу, взяли чемоданъ и мѣшокъ и стали развѣшивать и искать. Вдругъ исправникъ вынулъ изъ мѣшка ножикъ и закричалъ:

— Это чей ножикъ?

Аксеновъ поглядѣлъ, видитъ — ножикъ въ крови изъ его мѣшка достали, испугался.

— А отчего кровь на ножѣ?

Аксеновъ хотѣлъ отвѣчать, но не могъ выговорить слова:

— Я... я не знаю... я... ножъ... не мой...

Тогда исправникъ сказалъ:

— Поутру купца нашли зарѣзаннымъ на постели. Кромѣ тебя никому было это сдѣлать. Изба была заперта изнутри, а въ избѣ никого, кромѣ тебя, не было. Вотъ и ножикъ въ крови у тебя въ мѣшкѣ, да и по лицу видно. Говори, какъ ты убилъ его и сколько ты ограбилъ денегъ.

Аксеновъ божился, что не онъ это сдѣлалъ, что не видалъ купца послѣ того, какъ пилъ чай съ нимъ, что деньги у него свои 8.000, что ножикъ не его. Но голосъ у него обрывался, лицо было блѣдно, и онъ весь трясся отъ страха, какъ виноватый.

Исправникъ позвалъ солдатъ, велѣлъ связать и вести его на телѣгу. Когда его съ связанными ногами втащили на телѣгу, Аксеновъ перекрестился и заплакалъ. У Аксенова отобрали вещи и деньги, отослали его въ ближній городъ, въ острогъ. Послали во Владиміръ узнать, какой человекъ былъ Аксеновъ, и всѣ купцы и жители владимірскіе показали, что Аксеновъ смолodu пилъ и гулялъ, но былъ человекъ хорошій. Тогда его стали судить. Судили его за то, что онъ убилъ рязанскаго купца и укралъ 20.000 денегъ.

Жена убивалась о мужъ и не знала, что думать. Дѣти ея еще всѣ были малы, а одинъ былъ у груди. Она забрала всѣхъ съ собою и поѣхала въ тотъ городъ, гдѣ ея мужъ содержался въ острогѣ. Сначала ее не пускали, но потомъ она упростила начальниковъ, и ее привели къ мужу. Когда она увидала его въ острожномъ платьѣ, въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ разбойниками, — она ударила о землю и долго не могла очнуться. Потомъ она поставила дѣтей вокругъ себя, сѣла съ нимъ рядышкомъ и стала сказывать ему про домашнія дѣла и спрашивать его про все, что съ нимъ случилось. Онъ все рассказывалъ ей. Она сказала:

— Какъ же быть теперь?

Онъ сказалъ:

— Надо просить царя. Нельзя же невинному погибать!

Жена сказала, что она уже подавала прошеніе царю, но что прошеніе не дошло. Аксеновъ ничего не сказалъ и только потупился. Тогда жена сказала:

— Не даромъ я тогда, помнишь, видѣла сонъ, что ты съѣдъ сталъ. Вотъ ужъ и вправду ты съ горя посѣдѣлъ. Не ѣздить бы тебѣ тогда.

И она начала перебирать его волосы и сказала:

— Ваня, другъ сердечный, женѣ скажи правду: не ты сдѣлалъ это?

Аксеновъ сказалъ: „И ты подумала на меня!“—закрылся руками и заплакалъ. Потомъ пришелъ солдатъ и сказалъ, что женѣ съ дѣтьми надо уходить. И Аксеновъ въ послѣдній разъ простился съ семьей.

Когда жена ушла, Аксеновъ сталъ вспоминать, что говорили. Когда онъ вспомнилъ, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, онъ ли убилъ купца, онъ сказалъ себѣ: „Видно, кроме Бога, никто не можетъ знать правды, и только Его надо просить и отъ Него только ждать милости“. И съ тѣхъ поръ Аксеновъ пересталъ подавать прошенія, пересталъ надѣяться и только молился Богу.

Аксенова присудили наказъ кнутомъ и сослать въ каторжныя работы. Такъ и сдѣлали.

Его высѣкли кнутомъ и потомъ, когда отъ кнута раны зажили, его погнали съ другими каторжниками въ Сибирь.

Въ Сибири, на каторгѣ, Аксеновъ жилъ 26 лѣтъ. Волоса его на головѣ стали бѣлые, какъ снѣгъ, и борода отросла длинная, узкая и сѣдая. Вся веселость его пропала. Онъ сгорбился, сталъ ходить тихо, говорилъ мало, никогда не смѣялся и часто молился Богу.

Въ острогѣ Аксеновъ выучился шить сапоги и на заработанные деньги купилъ Четы-Минеи и читалъ ихъ, когда былъ свѣтъ въ острогѣ; а по праздникамъ ходилъ въ острожную церковь, читалъ Апостолъ и пѣлъ на клиросѣ,—голосъ у него все еще былъ хорошъ. Начальство любило Аксенова за его смиренность, а товарищи острожные почитали его и называли „дѣдушкой“ и „божѣимъ человѣкомъ“. Когда бывали просьбы по острогу, товарищи всегда Аксенова посылали просить начальство, и когда промежъ каторжныхъ были ссоры, то они всегда къ Аксенову приходили судиться.

Изъ дому никто не писалъ писемъ Аксенову, и онъ не зналъ, живы ли его жена и дѣти.

Привели разъ на каторгу новыхъ колодниковъ. Вечеромъ всѣ старые колодники собрались вокругъ новыхъ и стали ихъ спрашивать, кто изъ какого города или деревни и кто за какія дѣла. Аксеновъ тоже подѣлъ на нары подлѣ новыхъ и, потупившись, слушалъ, кто что рассказываетъ. Одинъ изъ новыхъ колодниковъ былъ высокій, здоровый старикъ лѣтъ 60-ти, съ сѣдой стриженной бородой. Онъ рассказывалъ, за что его взяли. Онъ говорилъ:

— Такъ, братцы, ни за что сюда попалъ. У ямщика лошадь отвязалъ отъ саней. Поймали, говорятъ: „Укралъ“. А я говорю: „Я только доѣхать скорѣй хотѣлъ,—я лошадь пустилъ. Да и ямщикъ мнѣ пріятель. Порядокъ, я говорю“.—„Нѣтъ, говорятъ, укралъ“. А того не знаютъ, что и гдѣ укралъ. Были дѣла, давно бы слѣдовало сюда попасть, да не могли уличить, а теперь не по закону сюда загнали. Да врешь,—былъ въ Сибири да не долго гащивалъ...

— А ты откуда будешь?—спросилъ одинъ изъ колодниковъ.

— А мы изъ города Владиміра, тамошніе мѣщане. Звать Макаромъ а величаютъ Семеновичемъ.

Аксеновъ поднялъ голову и спросилъ:

— А что, не слыхалъ ли, Семенычъ, во Владимірѣ городѣ про Аксеновыхъ купцовъ? Живы ли?

— Какъ не слыхать! Богатые купцы, даромъ что отецъ въ Сибири. Такой же, видно, какъ и мы грѣшные. А ты самъ, дѣдушка, за какія дѣла?

Аксеновъ не любилъ говорить про свое несчастье: онъ вздохнулъ и сказалъ:

— По грѣхамъ своимъ 26-й годъ нахожусь въ каторжной работѣ.

Макаръ Семеновъ сказалъ:

— А по какимъ же такимъ грѣхамъ?

Аксеновъ сказалъ: „Стало-быть стоило того“, и не хотѣлъ больше рассказывать, но другіе острожные товарищи рассказали новому, какъ Аксеновъ попалъ въ Сибирь. Они рассказали, какъ на дорогѣ кто-то убилъ купца и подсунулъ Аксенову ножикъ, и какъ за это его понапрасну засудили.

Когда Макаръ Семеновъ услышалъ это, онъ взглянулъ на Аксенова, хлопнулъ себя руками по колѣнамъ и сказалъ:

— Ну, чудо! Вотъ чудо-то! Постарѣлъ же ты, дѣдушка!

Его стали спрашивать, чему онъ удивлялся и гдѣ онъ видѣлъ Аксенова; но Макаръ Семеновъ не отвѣчалъ, онъ только сказалъ:

— Чудеса ребята,—гдѣ свидѣться пришлось!

И съ этихъ словъ пришло Аксенову въ мысли, что не знаетъ ли этотъ человѣкъ про то, кто убилъ купца? Онъ сказалъ:

— Или ты слыхалъ, Семенычъ, прежде про это дѣло, или видѣлъ меня прежде?

— Какъ не слыхать! Земля слухомъ полнится. Да давно ужъ дѣло было: что и слыхалъ, то забылъ,—сказалъ Макаръ Семеновъ.

— Можетъ слыхалъ, кто купца убилъ—спросилъ Аксеновъ. Макаръ Семеновъ засмѣялся и сказалъ:

— Да, видно, тотъ убилъ, у кого ножикъ въ мѣшкѣ нашелся. Если кто и подсунулъ тебѣ ножикъ, не пойманъ—не воръ. Да и какъ же тебѣ ножикъ въ мѣшокъ сунуть? Вѣдь онъ у тебя въ головахъ стоялъ? Ты бы услышалъ.

Какъ только Аксеновъ услышалъ эти слова, онъ подумалъ, что этотъ самый человѣкъ убилъ купца. Онъ всталъ и отошелъ прочь. Всю эту ночь Аксеновъ не могъ заснуть. Нашла на него скука и стало ему представляться: то представлялась ему его жена такую, какою она была, когда провожала его въ послѣдній разъ на ярмарку. Такъ и видѣлъ онъ ее какъ живую, и видѣлъ ея лицо и глаза, и слышалъ, какъ она говорила ему и смѣялась. Потомъ представлялись ему дѣти, такія, какія они были тогда—маленькія, одинъ въ шубкѣ, другой у груди. И себя онъ вспоминалъ, какимъ онъ былъ тогда—веселымъ, молодымъ; вспоминалъ, какъ онъ сидѣлъ на крылечкѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ его взяли, и игралъ на гитарѣ,—и какъ у него на душѣ весело было тогда. И вспомнилъ лобное мѣсто, гдѣ его сѣкли, и палача, и народъ кругомъ, и цѣпи, и колодниковъ, и всю 26-ти лѣтнюю острожную жизнь, и свою старость вспомнилъ. И такая скука нашла на Аксенова, что хоть руки на себя наложить.

„И все отъ того злодѣя!“—думалъ Аксеновъ.

И на него нашла такая злость на Макара Семенова, что хоть самому пропасть, а хотѣлось отмстить ему. Онъ читалъ молитвы всю ночь, но не могъ успокоиться. Днемъ онъ не подходилъ къ Макару Семенову и не смотрѣлъ на него.

Такъ прошли двѣ недѣли. По ночамъ Аксеновъ не могъ спать, и на него находила такая скука, что онъ не зналъ, куда дѣваться.

Одинъ разъ, ночью, онъ пошелъ по острогу и увидалъ, что изъ-подъ одной нары сыплется земля. Онъ остановился посмотреть. Вдругъ Макаръ Семеновъ выскочилъ изъ-подъ нары и съ испуганнымъ лицомъ взглянулъ на Аксенова. Аксеновъ хотѣлъ пройти, чтобы не видѣть его; но Макаръ ухватилъ его за руку и рассказалъ, какъ онъ прокопалъ проходъ стѣнами и какъ онъ землю каждый день выносить въ голенищахъ и высыпаетъ на улицу, когда ихъ гоняютъ на работу. Онъ сказалъ:

— Только молчи, старикъ, я и тебя выведу. А если скажешь,—меня засѣкутъ, да и тебѣ не спущу—убью.

Когда Аксеновъ увидалъ своего злодѣя, онъ весь затрясся отъ злости, выдернулъ руку и сказалъ:

— Выходить мнѣ не зачѣмъ и убивать меня нечего,—ты меня уже давно убилъ. А сказывать про тебя буду или нѣтъ,—какъ Богъ на душу положить.

На другой день, когда вывели колодниковъ на работу, солдаты примѣтили, что Макаръ Семеновъ высыпалъ землю, стали искать въ острогѣ и нашли дыру. Начальникъ пріѣхалъ въ острогъ и сталъ всѣхъ допрашивать: кто выкопалъ дыру? Всѣ отрицались. Тѣ, которые знали, не выдавали Макара Семенова, потому что знали, что за это дѣло его засѣкутъ до полусмерти. Тогда начальникъ обратился къ Аксенову. Онъ зналъ, что Аксеновъ былъ справедливый человѣкъ, и сказалъ:

— Старикъ, ты правдивъ; скажи мнѣ передъ Богомъ, кто это сдѣлалъ.

Макаръ Семеновъ стоялъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и смотрѣлъ на начальника, и не оглядывался на Аксенова. У Аксенова тряслись руки и губы, и онъ долго не могъ слова выговорить. Онъ думалъ: „Если скрыть его, за что же я его прощу, когда онъ меня погубилъ? Пускай поплатится за мое мученье. А сказать на него, точно—его засѣкутъ. А что какъ я понапрасну на него думаю? Да что жъ, мнѣ легче развѣ будетъ?“

Начальникъ еще разъ сказалъ: „Ну что же, старикъ, говори правду: кто подкопался?“

— Я и не видалъ и не знаю.

Такъ и не узнали, кто подкопался.

На другую ночь, когда Аксеновъ легъ на свою нару и чуть

задремалъ, онъ услышалъ, что кто-то подошелъ и сѣлъ у него въ ногахъ. Онъ посмотрѣлъ въ темнотѣ и узналъ Макара.

Аксеновъ сказалъ:

— Что тебѣ еще отъ меня надо? Что ты тутъ дѣлаешь?

Макаръ Семеновъ молчалъ. Аксеновъ приподнялся и сказалъ:

— Что надо? Уйди! А то я солдата кликну.

Макаръ Семеновъ нагнулся близко къ Аксенову и шепотомъ сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня!

Аксеновъ сказалъ: „За что тебя прощать!“

— Я купца убилъ, я и ножикъ тебѣ подсунилъ, я и тебя хотѣлъ убить, да на дворѣ зашумѣли: я сунулъ тебѣ ножикъ въ мѣшокъ и вылѣзъ въ окно.—Аксеновъ молчалъ и не зналъ, что сказать. Макаръ Семеновъ спустился съ нары, поклонился въ землю и сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня, прости ради Бога. Я объявлюсь, что я купца убилъ,—тебя простятъ. Ты домой вернешься.

Аксеновъ сказалъ:

— Тебѣ говорить легко, а мнѣ терпѣть каково?! Куда я пойду теперь?.. Жена померла, дѣти забыли; мнѣ ходить некуда...

Макаръ Семеновъ не вставалъ съ полу и бился головой о землю и говорилъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости! Когда меня кнутомъ сѣкли, мнѣ легче было, чѣмъ теперь на тебя смотрѣть... А ты еще пожалѣлъ меня—не сказалъ. Прости меня, ради Христа! Прости ты меня, злодѣя окаяннаго!—и онъ зарыдалъ.

Когда Аксеновъ услышалъ, что Макаръ Семеновъ плачетъ, онъ самъ заплакалъ и сказалъ:

— Богъ проститъ тебя; можетъ быть я во сто разъ хуже тебя!—И вдругъ у него на душѣ легко стало. И онъ пересталъ скучать о домѣ, и никуда не ходилъ изъ острога, а только думалъ о послѣднемъ часѣ.

Макаръ Семеновъ не послушался Аксенова и объявился виноватымъ. Когда вышло Аксенову разрѣшеніе вернуться,—Аксеновъ уже умеръ.

Вѣрьте себѣ.

(Обращеніе къ юношеству).

Вѣрьте себѣ, выходящіе изъ дѣтства юноши и дѣвушки, когда впервые поднимаются въ душѣ вашей вопросы: кто я такое, зачѣмъ живу я и всѣ окружающіе меня люди? И главный, самый волнительный вопросъ:—такъ ли живу я и всѣ окружающіе меня люди? Вѣрьте себѣ и тогда, когда тѣ отвѣты, которые представляются вамъ на эти вопросы, будутъ не согласны съ тѣми, которые были внушены вамъ въ дѣтствѣ, будутъ не согласны и съ той жизнью, въ которой вы найдете себя живущими вмѣстѣ со всѣми людьми, окружающими васъ. Не бойтесь этого разногласія, а, напротивъ, знайте, что въ этомъ разногласіи вашемъ со всѣмъ окружающимъ васъ выразилось самое лучшее, что есть въ васъ,—то божественное начало, проявленіе котораго въ жизни составляетъ не только главный, но единственный смыслъ нашего существованія. Вѣрьте тогда не себѣ, извѣстной личности—Ванѣ, Петѣ, Лизѣ, Машѣ, сыну, дочери министра или рабочаго, купца или крестьянина, а себѣ, тому вѣчному, разумному и благому началу, которое живетъ въ каждомъ изъ насъ и которое въ первый разъ пробудилось въ васъ и задало себѣ эти важнѣйшіе въ мірѣ вопросы и ищетъ и требуетъ ихъ разрѣшенія. Не вѣрьте тогда людямъ, которые съ снисходительной улыбкой скажутъ вамъ, что и они когда-то искали отвѣтовъ на эти вопросы, но не нашли, какъ и нельзя найти иныхъ, кромѣ тѣхъ, которые приняты всѣми.

Не вѣрьте этому, а вѣрьте только себѣ, и не бойтесь разойтись со взглядами и мыслями людей, окружающихъ васъ, если только отвѣты, представляющіеся вамъ, основаны не на вашихъ личныхъ желаніяхъ, а на желаніи исполнить назначеніе своей жизни, исполнить волю той силы, которая послала васъ въ жизнь. Вѣрьте себѣ, особенно когда отвѣты, представляющіеся вамъ, подтверждаются тѣми вѣчными началами мудрости людской, выраженной во всѣхъ религіозныхъ ученіяхъ и въ наиболѣе близкомъ намъ ученіи Христа, въ его высшемъ, духовномъ значеніи.

Помню, какъ я, когда мнѣ было 15 лѣтъ, переживалъ это время, какъ вдругъ я пробудился отъ дѣтской покорности чужимъ взглядамъ, въ которой жилъ до тѣхъ поръ, и въ первый разъ понималъ, что мнѣ надо жить самому, самому избирать путь, самому отвѣчать за свою жизнь передъ тѣмъ началомъ, которое дало мнѣ ее.

Помню, что я тогда, хотя и смутно, но глубоко чувствовалъ, что главная цѣль моей жизни—это то, чтобы быть хорошимъ, хорошимъ въ смыслѣ евангельскомъ, въ смыслѣ самоотреченія и люб-

ви. Помню, что я тогда же попытался жить такъ, но это продолжалось не долго. Я не повѣрилъ себѣ, а повѣрилъ всей той внушительной, самоувѣренной, торжествующей мудрости людской, которая внушалась мнѣ сознательно и бессознательно всѣмъ окружающимъ. И мое первое побужденіе замѣнилось очень опредѣленными, хотя и разнообразными желаніями успѣха передъ людьми, быть знатнымъ, ученымъ, прославленнымъ, богатымъ, сильнымъ, т.-е. такимъ, котораго бы не я самъ, но люди считали хорошимъ.

Я не повѣрилъ себѣ тогда, и только послѣ многихъ десятковъ лѣтъ, потраченныхъ на достиженіе мірскихъ цѣлей, которыхъ я или не достигъ или которыхъ достигъ и увидалъ бесполезность, тщету, а часто и вредъ ихъ, я понялъ, что то самое, что я зналъ 60 лѣтъ тому назадъ и чему не повѣрилъ тогда, и можетъ и должно быть единственной разумной цѣлью усилій всякаго человѣка.

А какою иною, болѣе радостной для себя и болѣе полезной людямъ могла бы быть моя жизнь, если бы я тогда, когда голосъ истины, Бога, въ первый разъ заговорилъ въ неподвергшейся еще соблазнамъ душѣ моей, повѣрилъ бы этому голосу и отдался бы ему?!

Да, милые юноши, искренно, самостоятельно, не подъ вліяніемъ вѣшняго внушенія, а самостоятельно и искренно пробудившіеся къ сознанію всей важности своей жизни, да, не вѣрьте людямъ, которые будутъ говорить вамъ, что наши стремленія—только неисполнимыя мечты молодости, что и они такъ же мечтали и стремились, но что жизнь скоро показала имъ, что она имѣетъ свои требованія и что надо не фантазировать о томъ, какая бы могла быть наша жизнь, а стараться наилучшимъ образомъ согласовать свои поступки съ жизнью существующаго общества и стараться только о томъ, чтобы быть полезнымъ членомъ этого общества.

Не вѣрьте этому. Не вѣрьте тому, что полное осуществленіе добра и истины невозможно въ мірѣ. Осуществленіе добра и истины не только не возможно, но вся жизнь, и ваша, и всѣхъ людей, и міра, только въ одномъ этомъ, въ все большемъ и большемъ осуществленіи добра и истины.

И потому вѣрьте себѣ, когда въ душѣ вашей будетъ говорить не желаніе превзойти другихъ людей, отличиться отъ другихъ, быть могущественнымъ, знаменитымъ, прославленнымъ (такія желанія часто подмѣниваютъ желанія добра), а вѣрьте себѣ, когда главное желаніе вашей души будетъ, чтобы самому быть лучше,—я не скажу: совершенствоваться, потому что въ самосовершенствованіи есть нѣчто личное, удовлетворяющее самолюбію, а скажу: дѣлаться тѣмъ, чѣмъ хочетъ тотъ Богъ, который далъ намъ жизнь, открывать въ себѣ вложенное въ насъ, подобное ему, начало, жить по-Божьи, какъ говорятъ мужики.

Вѣрьте себѣ и живите такъ, напрягая всѣ свои силы на одно: на проявленіе въ себѣ Бога, и вы сдѣлаете все, что вы можете сдѣлать и для своего блага и для блага всего міра.

Ищите Царствія Божія и правды Его, а остальное приложится вамъ. Да, вѣрьте себѣ въ то великой важности время, когда въ первый разъ загорится въ вашей душѣ свѣтъ сознанія своего божественнаго происхожденія. Не тушите этотъ свѣтъ, а всѣми силами берегите его и давайте ему разгорѣться. Въ этомъ одномъ, въ разгораніи этого свѣта, единственный великій и радостный смыслъ жизни всякаго человѣка.

Для чего люди одурманиваются?

I.

Что такое употребленіе одурманивающихъ веществъ—водки, вина, пива, гашиша, опиума, табака и другихъ менѣе распространенныхъ: эфира, морфина, мухомора? Отчего оно началось и такъ быстро распространилось и распространяется между всякаго рода людьми, дикими и цивилизованными одинаково?

Зачѣмъ людямъ нужно одурманиваться!

Спросите у человѣка, зачѣмъ онъ началъ пить вино и пить. Онъ отвѣтитъ вамъ: „такъ, пріятно, всѣ пьютъ“, да еще прибавитъ: „для веселья“. Нѣкоторые же, тѣ, которые ни разу не дали себѣ труда подумать о томъ, хорошо или дурно то, что они пьютъ вино, прибавятъ еще то, что вино здорово, даетъ силы, т.-е. скажутъ то, несправедливость чего давнымъ-давно уже доказана.

Спросите у курильщика, зачѣмъ онъ началъ курить табакъ и курить теперь, и онъ отвѣтитъ то же: „такъ, отъ скуки, всѣ курятъ“.

Такъ же, вѣроятно, отвѣтятъ и потребители опиума, гашиша, морфина, мухомора.

„Такъ, отъ скуки, для веселья, всѣ это дѣлаютъ“. Но вѣдь для производства табака, вина, гашиша, опиума часто среди населеній, нуждающихся въ землѣ, занимаются миллионы и миллионы

лучших земель посѣвами ржи, картофеля, конопли, мака, лозъ, табака, и миллионы рабочихъ—въ Англіи $\frac{1}{8}$ всего населенія—заняты цѣлыя жизни производствомъ этихъ одурманивающихъ веществъ. Кромѣ того, употребленіе этихъ веществъ очевидно вредно, производитъ страшныя, всѣмъ извѣстныя и всѣмъ признаваемыя бѣдствія, отъ которыхъ гибнетъ больше людей, чѣмъ отъ всѣхъ войнъ и заразныхъ болѣзней вмѣстѣ. И люди знаютъ это; такъ что не можетъ быть, чтобъ это дѣлалось такъ, отъ скуки, для веселья, оттого только, что всѣ это дѣлаютъ.

Тутъ должно быть что-нибудь другое. Безпрестанно и повсюду встрѣчаешь людей, любящихъ своихъ дѣтей, готовыхъ принести всякаго рода жертвы для ихъ блага и вмѣстѣ съ тѣмъ проживающихъ на водкѣ, винѣ, пивѣ или прокуривающихъ на опиумѣ или гашишѣ и даже на табакѣ то, что или совсѣмъ прокормило бы бѣдствующихъ и голодающихъ дѣтей, или по крайней мѣрѣ избавило бы ихъ отъ лишеній. Очевидно, что если человѣкъ, поставленный въ условія необходимости выбора между лишеніями и страданіями своей семьи, которую онъ любитъ, и воздержаніемъ отъ одурманивающихъ веществъ, все-таки избираетъ первое, то побуждаетъ его къ этому что-нибудь болѣе важное, чѣмъ то, что всѣ это дѣлаютъ и что это пріятно. Очевидно, что дѣлается это не такъ, отъ скуки, для веселья, а что есть тутъ какая-то болѣе важная причина.

Причина эта, насколько я умѣлъ понять ее изъ чтенія объ этомъ предметѣ и наблюденій надъ другими людьми и въ особенности надъ самимъ собой, когда я пилъ вино и курилъ табакъ,—причина эта, по моимъ наблюденіямъ, слѣдующая.

Въ періодъ сознательной жизни человѣкъ часто можетъ замѣтить въ себѣ два раздѣльных существа: одно—слѣпое, чувственное, и другое—зрячее, духовное. Слѣпое животное существо бѣсть, пить, отдыхаетъ, спитъ, плодится и движется, какъ движется заведенная машина; зрячее духовное существо, связанное съ животнымъ, само ничего не дѣлаетъ, но только опѣниваетъ дѣя-

тельность животного существа тѣмъ, что совпадаетъ съ нимъ, когда одобряетъ эту дѣятельность, и расходится съ нимъ, когда не одобряетъ ея.

Зрячее духовное существо, проявленіе котораго въ просторѣ чин мы называемъ совѣстью, всегда показываетъ однимъ концомъ на добро, другимъ—противоположнымъ—на зло и не видно намъ до тѣхъ поръ, пока мы не отклоняемся отъ даваемого имъ направленія, т.-е. отъ зла къ добру. Но стоитъ сдѣлать поступокъ, противный направленію совѣсти, и появляется сознаніе духовнаго существа, указывающее отклоненіе животной дѣятельности отъ направленія, указываемаго совѣстью. И какъ мореходъ не могъ бы продолжать работать веслами, машиной или парусомъ, зная, что онъ идетъ не туда, куда ему надо, до тѣхъ поръ, пока онъ не далъ бы своему движенію направленіе, соответствующее стрѣлкѣ компаса, или не скрылъ бы отъ себя ее отклоненіе, такъ точно и всякій человѣкъ, почувствовавъ раздвоеніе своей совѣсти съ животной дѣятельностью, не можетъ продолжать эту дѣятельность до тѣхъ поръ, пока или не приведетъ ее въ согласіе съ совѣстью или не скроетъ отъ себя указаній совѣсти о неправильности животной жизни.

Вся жизнь людская, можно сказать, состоитъ только изъ этихъ двухъ дѣятельностей: 1) приведенія своей дѣятельности въ согласіе съ совѣстью и 2) скрыванія отъ себя указаній своей совѣсти для возможности продолженія жизни.

Одни дѣлаютъ первое, другіе—второе. Для достиженія перваго есть одинъ только способъ: нравственное просвѣщеніе—увеличеніе въ себѣ свѣта и вниманіе къ тому, что онъ освѣщаетъ; для втораго—для скрываетъ отъ себя указаній совѣсти—есть два способа: внѣшній и внутренній. Внѣшній способъ состоитъ въ занятіяхъ, отвлекающихъ вниманіе отъ указаній совѣсти; внутренній—состоитъ въ затемненіи самой совѣсти.

(Окончаніе будетъ).

ТЕКУЩІЯ СВѢДѢНІЯ.

Къ чествованію памяти Л. Н. Толстого. Губернской зем. управой совместно со служащими отправлена на имя редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“ слѣдующая телеграмма, по поводу смерти Л. Н. Толстого.

„Благоговѣнно преклоняясь передъ могилою сомкнушаго уста мірового мыслителя-художника, носителя идеаловъ правды—совѣсти русскаго народа, нижегородская губернская земская управа и ея служащіе раздѣляютъ плачь отчизны, провожающей въ вѣчныя обители своего безсмертнаго сына“.

Кромѣ того, въ управѣ изъ служащихъ избрана коммиссія для разработки вопроса о почтеніи памяти усопшаго писателя.

Коммиссія постановила дѣлать отчисленія въ фондъ имени Л. Н. Толстого и войти въ соглашеніе съ представителями другихъ обществъ и учреждений по вопросу о назначеніи фонда; съ своей стороны коммиссія выразила желаніе примкнуть къ мысли о выкупѣ во всенародное пользованіе сочиненій Толстого и о созданіи въ Н.-Новгородѣ народнаго университета имени Толстого, который бы путемъ устройства лекцій, временныхъ курсовъ и пр., могъ обслуживать духовныя интересы и всего населенія губерніи.

Мысль объ устройствѣ въ Нижнемъ въ память Толстого народнаго университета, заявленное впервые въ „Секціи гігіены воспитанія и образованія“, встрѣчаетъ наибольшее сочувствіе въ другихъ учрежденіяхъ и обществахъ.

Въ городской думѣ. 9-го ноября экстренное собраніе городской думы, созванное для выборовъ городского головы, было открыто краткой рѣчью заступ. мѣсто городского головы И. В. Богоявленскаго по поводу кончины Л. Н. Толстого. Обращаясь къ гласнымъ думы, онъ сказалъ:

— Вамъ извѣстно, что 7-го ноября скончался Левъ Николаевичъ Толстой, великій писатель русской земли, искатель правды и великій мыслитель. Отдадимъ первый долгъ великому человѣку и гражданину нашего дорогого отечества, почтивъ его память вставаніемъ.

Дума единодушно откликнулась на предложеніе председательствующаго и гласные молчаливо поднялись съ своихъ мѣстъ.

Затѣмъ по предложенію г. Богоявленскаго, постановлено послать семьѣ почившаго телеграмму отъ имени Нижняго-Новгорода, съ выраженіемъ соболѣзнованія.

Г. Богоявленскій заявилъ, что въ слѣдующее засѣданіе го-

родской думы будетъ поставленъ на повѣстку вопросъ о почтеніи памяти Л. Н. Толстого какимъ-либо добрымъ дѣломъ.

— Можетъ-быть управѣ,—говоритъ председательствующій,—не удастся точно выполнить желанія гласныхъ, и я просилъ бы гласныхъ оказать въ этомъ содѣйствіе.

А. В. Баулинъ, отвѣчая на предложеніе о почтеніи памяти почившаго, выразилъ желаніе войти въ сношеніе съ объединенной коммиссіей мѣстныхъ общественныхъ и просвѣтительныхъ организаций, созданной для увѣковѣченія памяти Толстого въ Ниж.-Новгородѣ.

— Можетъ быть,—сказалъ гласный,—возможно было бы, соединившись съ обществомъ распространенія начальнаго образованія, созданъ народный домъ на широкихъ обновленныхъ началахъ, присвоивъ существующему зданію имя—„Домъ Толстого“. Гласный предложилъ избрать по этому вопросу особую коммиссію.

Дума просила поставить указанный вопросъ на повѣстку предстоящаго очереднаго собранія городской думы.

Телеграмма, посланная з. м. городского головы С. А. Толстой отъ имени думы, составлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Нижегородская городская дума шлетъ вамъ и дѣтямъ вашимъ выраженія глубокой скорби, раздѣляемой всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ, по поводу незамѣнимой утраты великаго писателя земли русской, великаго художника, мыслителя и моралиста и желаетъ вамъ мужественно перенести великое ваше горе“.

Телеграмма. Служащіе уѣзднаго земства послали С. А. Толстой слѣдующую телеграмму: „Служащіе нижегородскаго уѣзднаго земства выражаютъ свою глубокую скорбь объ утратѣ великаго человѣка, писателя, художника, гордости земли русской“.

Депутація въ Ясную Поляну. Отъ 34-хъ нижегородскихъ общественныхъ организаций и просвѣтительныхъ обществъ въ Ясную Поляну 9-го ноября выѣзжала депутація поклониться праху усопшаго писателя. Депутація возложила на гробъ покойнаго вѣнокъ, съ надписью: „Л. Н. Толстому отъ тридцатичетырехъ нижегородскихъ общественныхъ организаций“. Въ качествѣ депутатовъ были В. М. Владиславлевъ и Б. И. Моисеевъ.

Кромѣ того представители благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежд. рѣшили объединиться по вопросу объ увѣковѣченіи памяти покойнаго. Съ этой цѣлью избрана особая коммиссія.

Въ собраніи школьныхъ врачей. Въ состоявшемся на-дняхъ собраніи городскихъ школьныхъ врачей было сообщено о кончинѣ Л. Н. Толстого. Память покойнаго была почтена вставаніемъ.